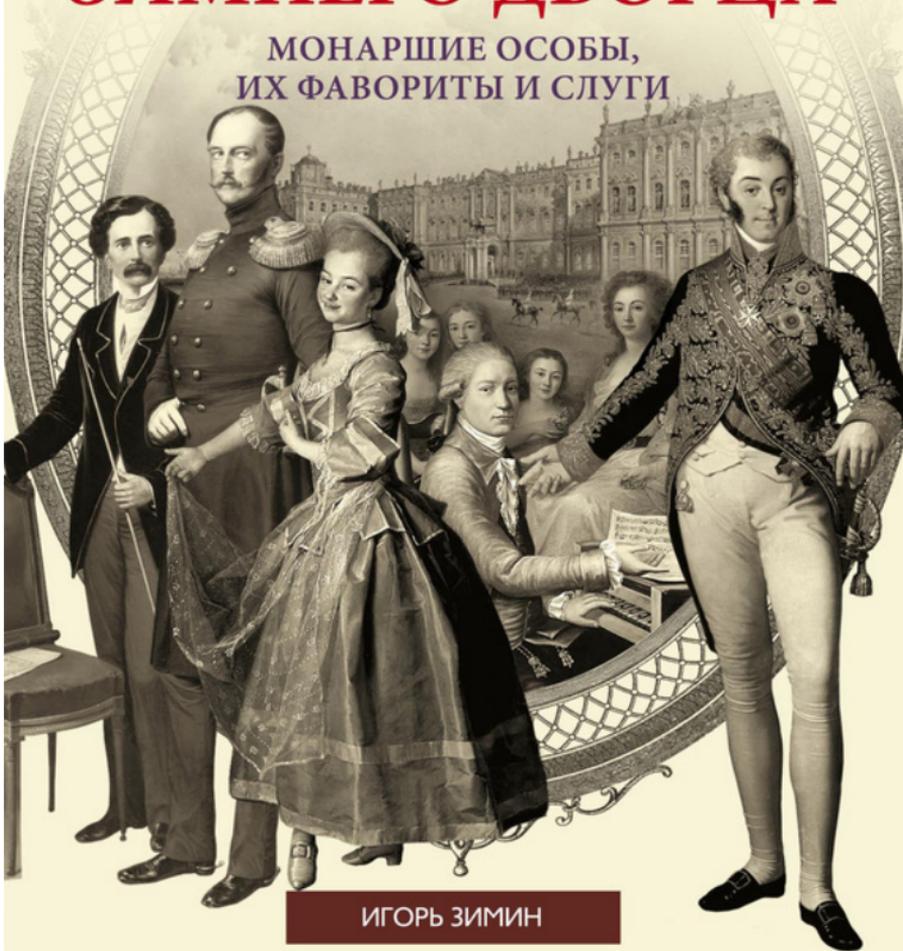

400 лет Дому Романовых

ЛЮДИ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

МОНАРШИЕ ОСОБЫ,
ИХ ФАВОРИТЫ И СЛУГИ

ИГОРЬ ЗИМИН

Игорь Викторович Зимин
Люди Зимнего дворца.
Монаршие особы, их
фавориты и слуги

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8485662

Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги.:

Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05326-8

Аннотация

В предлагаемой книге профессор И. В. Зимин приводит результаты своих очередных исследований повседневных аспектов жизни российских монархов в Зимнем дворце. Кроме того, он обстоятельно рассказывает о традиционных церемониалах, праздниках и развлечениях в монаршем доме, о медиках, обслуживавших государей, об организации охраны Зимнего дворца в различные периоды его истории, о том, что происходило во дворце в революционном 1917 году.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Монаршие особы зимнего дворца	7
Екатерина II	7
Павел I	84
Александр I	150
Николай I	189
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Игорь Зимин
Люди Зимнего дворца.
Монаршие особы, их
фавориты и слуги

© Зимин И.В., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

С 1762 по 1917 г. Зимний дворец оставался главной резиденцией императорской семьи. В 1762-м началась его «биография», которую в первую очередь «делали» первые лица государства, жившие в нем. Но, кроме первых лиц, как правило, располагавшихся на втором, парадном этаже, в огромном дворце жили сотни других людей. Они селились как во вполне благоустроенных квартирах на третьем этаже резиденции, так и в дворцовых подвалах, каморках и на чердаках. Многие из этих людей также оставили свой след в «биографии» Зимнего дворца.

Отсвет этого бесчисленного множества судеб до сих пор хранят стены Зимнего дворца, в его прошлом неразрывно сплелись «люди и стены», и настоящая книга не претендует на какое-либо полное изложение истории проживания здесь многих поколений Романовых и их окружения – слишком эта история пестра и многогранна. Кроме того, многие события и факты затрагивались в наших предыдущих работах, посвященных повседневной жизни Романовых¹.

В настоящей книге рассматриваются только некоторые

---

¹ *Зимин И. В.* 1) Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010; 2) Детский мир императорских резиденций. М., 2011; 3) Царские деньги. М., 2012; 4) Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917 гг. М.; СПб., 2013.

сюжеты, что происходили либо в самом Зимнем дворце, либо в непосредственной близости от него, поскольку главным героем книги является сам Зимний дворец.

По словам В. А. Жуковского, «Зимний дворец как здание, как царское жилище, может быть, не имел подобного в целой Европе. своею огромностью, своею архитектурою изображал он могущественный народ, столь недавно вступивший в среду образованных наций, а внутренним своим великолепием напоминал о той неисчерпаемой жизни, которая кипит во внутренности России... Зимний дворец был для нас представителем всего отечественного, русского, нашего».

Глава 1. Монаршие особы зимнего дворца

Екатерина II

Екатерина II прожила в Зимнем дворце все свое царствование, с 1762 по 1796 г. – 34 года. Конечно, она весной выезжала в Царское Село, затем переезжала в Петергоф, опять возвращалась в Царское Село и только в середине сентября – в октябре возвращалась на зиму в любимый ею дворец. Живя зиму в Петербурге, она довольно редко покидала свой дом, где имелось все необходимое для комфортной и спокойной жизни. Поскольку многообразие жизни неисчерпаемо, обратимся лишь к некоторым сюжетам из жизни императрицы «на фоне» Зимнего дворца...

Екатерина II въехала в Зимний дворец в апреле 1762 г., накануне Пасхи, как супруга императора Петра III Федоровича. В статусе супруги императора она пребывала в Зимнем дворце очень недолго – с начала апреля по конец июня 1762 г. В этот срок она родила от Григория Орлова ребенка, обустроилась в новых покоях, организовала и успешно осуществила государственный переворот и короновалась, превратившись из супруги императора в полноправную хозяй-

ку огромной империи. Для Екатерины Алексеевны это было действительно очень горячее время...

Тогда, весной 1762 г., современники, впервые оказавшиеся в Зимнем дворце, с любопытством осматривали огромное, еще недостроенное и необжитое здание. Даже в необустроенном виде Зимний дворец производил огромное впечатление на всех видящих его. Одним из таких свидетелей начала «жизни» Зимнего дворца стал А. Т. Болотов. Будучи адъютантом высокопоставленного лица, он регулярно в апреле-июне 1862 г. бывал в императорской резиденции, впоследствии подробно описав увиденное.

Мемуарист отмечал, что «самая уже огромность и пышность здания сего приводила меня в некоторое приятное изумление, а когда вошел я с генералом внутрь сих новых императорских чертогов и увидел впервые еще от роду всю пышность и великолепие дворца нашего, то пришел в такое приятное восхищение, что сам себя почти не вспомнил от удовольствия.

Г. Гроот. Цесаревич Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. 1740-е гг.

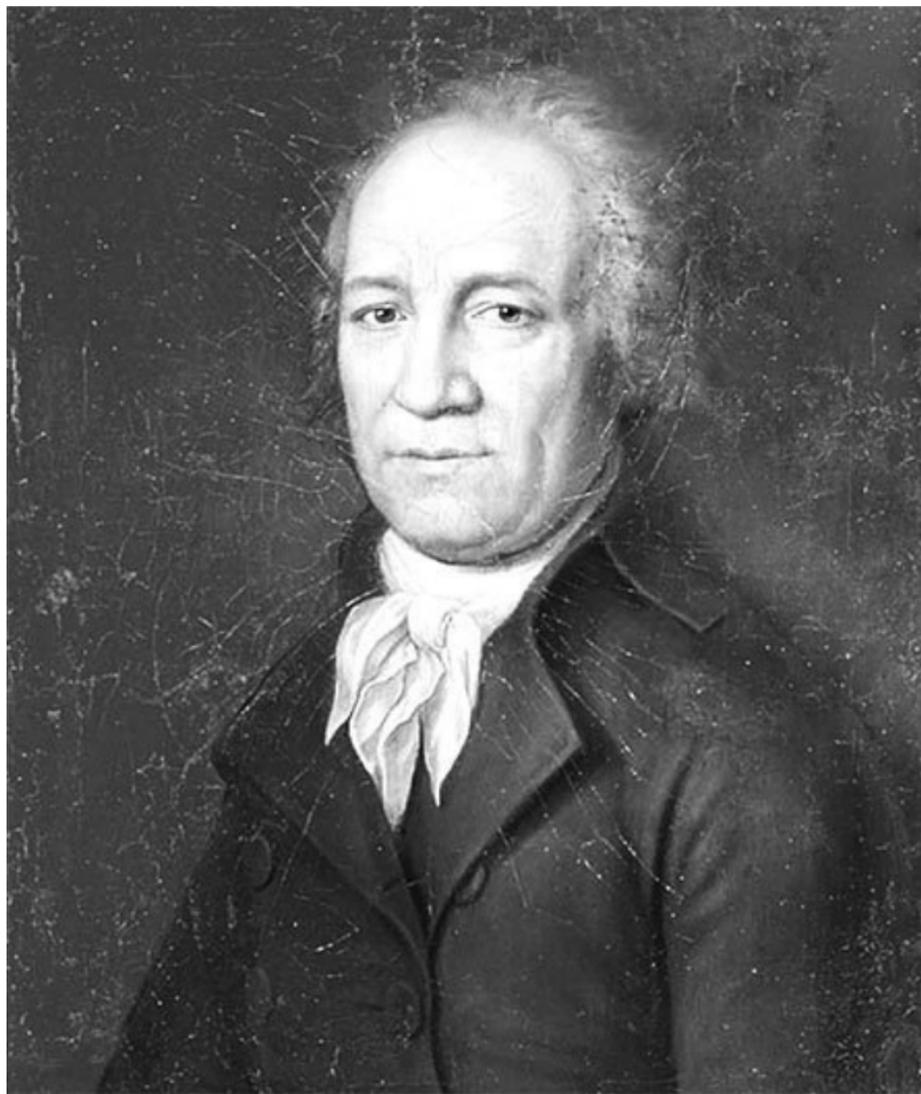
Ф. С. Рокотов. Портрет Алексея Бобринского в младенчестве. Ок. 1763 г.

Все комнаты, чрез которые мы проходили, набиты были несметным множеством народа и людей разных чинов и достоинств. Все одеты и разряжены были в прах, и все в наилучшем своем платье и убранствах»².

В Зимнем дворце А. Т. Болотов впервые увидел императрицу Екатерину Алексеевну, которая тогда, казалось бы, совершенно смирилась со своей второстепенной ролью в женском окружении императора Петра III. Болотов пишет, что он «увидел двух женщин в черном платье, и обеих в Екатерининских алых кавалериях, идущих друг за другом из отдаленных покоев в комнату к государю». Ранее он видел только портрет Екатерины Алексеевны и не узнал ее, поскольку перед ним предстала «женщина низкая, дородная и совсем не такая». Кстати, второй дамой, следовавшей за императрицей, оказалась фаворитка Петра III – Елизавета Воронцова, мемуаристу она показалась совершенно безобразной.

---

² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. История моей Петербургской службы. Письма 91–99. Электронная версия. URL: http://modernlib.ru/books/bolotov_andrey/zapiski_a_t_bolotova_napisannih_samim_im_dlya_svoih_potomkov.

Портрет Андрея Тимофеевича Болотова

Екатерина II в коронационном уборе

А. П. Антропов. Портрет Елизаветы Романовны Ворон-

цовой. 1762 г.

Екатерина II в профиль. Эриксен Вигилиус. До 1762 г.

Свита и императорская семья быстро обжились в Зимнем дворце, и императорский двор зажил привычной жизнью в новых покоях. Мемуарист пишет: «Видел, как тут играли в карты и как танцевали, наслушался прекрасной музыки, в которой государь сам брал соучастие и играл на скрипиче вместе с прочими концерты, и довольно хорошо и бегло; наконец за большим столом и со многими, с превеликим хохотанием и криком, забавлялся он в любимую свою игру кампию...»³.

---

³ Болотов А. Т. Указ. соч. Кампия – род карточной игры.

Однако прежде всего приводили в должный вид императорский юго-восточный ризалит. Остальные же помещения дворца, частично отделанные, стояли в буквальном смысле пустыми, не обставленными мебелью. По воспоминаниям Болотова, «во всех тех комнатах, где мы бывали, не было тогда ни единого стульца, а стояли только в одной проходной комнате одни канапе, но и те были обиты богатым штофом, и таким, на каких мы сначала не смели и помыслить, чтоб садиться...»⁴.

Отметим и то, что столь краткое царствование эксцентричного внука Петра I имело и вполне объективные причины, поскольку молодой император фактически не занимался делами, положенными ему по должности. Так, А. Т. Болотов с горечью вспоминает, что «редко стали уже мы заставить государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок английского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опороздившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровию от стыда пред иностранными министрами, видящими и слышащими то и бессомненно смеющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа так поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового! – так больно было все-

---

⁴ Болотов А. Т. Указ. соч. Кампия – род карточной игры.

ТО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ.

А. П. Антропов. Портрет Петра III в мундире лейб-гвардии Преображенского полка. 1762 г.

Не успеют, бывало сесть за стол, как и загремят рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все, как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что, вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать: „Ну! Ну! братцы кто удалее, кто сшибет с ног кого первый!“, и так далее. А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих? Хохот, крик, шум, биение в ладоши раздавались только всюду, а бокалы только что гремели. Они должны были служить наказанием тому, кто не мог удержаться на ногах и упал на землю. Однако все сие было еще ничто против тех разнообразных сцен, какие бывали после того и когда дохаживало до того, что продукты бахусовы оглуляли всех пирующих даже до такой степени, что у иного наконец и сил не было выйти и сесть в линию, а гренадеры выносили уже

туда на руках своих»⁵. Естественно, на фоне своего беспутного 34-летнего мужа будущая Екатерина II выглядела как светоч благоразумия и мудрости. Чем она и не преминула воспользоваться...

Когда 30 апреля 1762 г. в Зимнем дворце канцлер граф М. И. Воронцов объявил об окончании войны с Пруссией, императорская резиденция немедленно превратилась в главную площадку для пышных празднеств: «Для обеда и бала после оного приготовлен и с великою поспешностию отделан был большой зал во дворце, в том фазе оного, который был окнами на Неву реку». Это был самый большой зал Зимнего дворца – Тронный, занимавший весь объем второго этажа северо-западного ризалита, окнами выходивший на Неву. Впоследствии на месте этого огромного зала сформировалась анфилада парадных гостиных императриц (включая Малахитовую гостиную) и череда парадных залов: Концертного, Николаевского и Аванзала.

Судя по воспоминаниям Болотова, на этом торжестве Петр III вел себя в привычной манере: «...Государь, опорожнив, может быть, во время стола излишнюю рюмку вина и в энтузиазме своем к королю прусскому дошел до такого, забывая самого себя, что публично, при всем великом множестве придворных и других знатных особ и при всех иностранных министрах, стал пред портретом короля прусского на колени и, воздавая оному непомерное уже почте-

---

⁵ Болотов А. Т. Указ. соч.

ние, называл его своим государем: происшествие, покрывшее всех присутствовавших при том стыдом неизъяснимым и сделавшееся столь громким, что молва о том на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела в сердцах всех россиян и во всем народе крайне неприятные впечатления»⁶. Негативизм мемуариста вполне понятен, поскольку Фридрих II с 1756 г. был главным врагом России в ходе Семилетней войны (1756–1763 гг.) и русские хорошо помнили победы над пруссаками на полях Гросс-Егерсдорфа (1757 г.), Цорндорфа (1758 г.) и Кунерсдорфа (1759 г.).

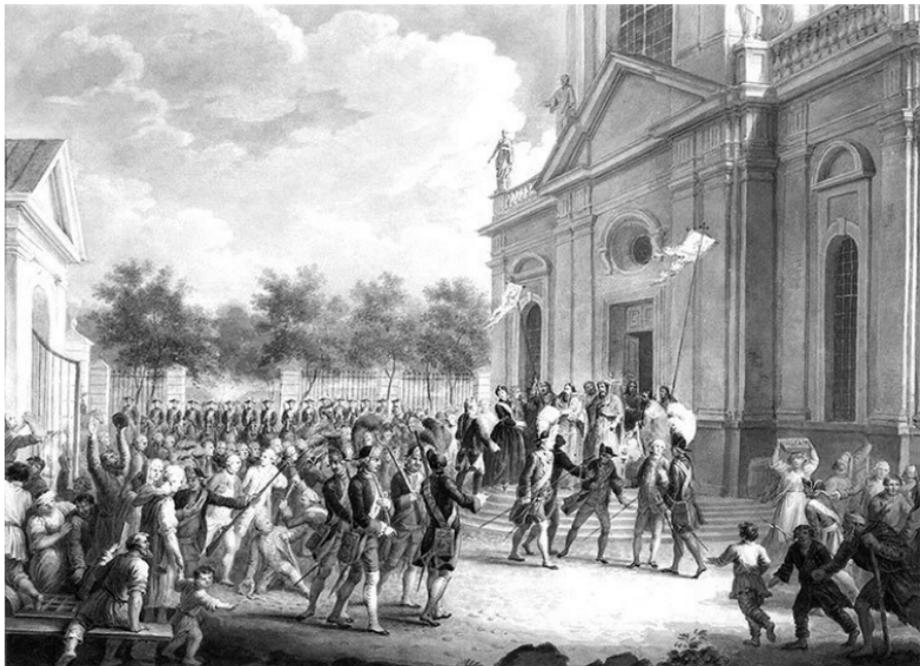
⁶ Болотов А. Т. Указ. соч.

А. фон Менцель. Концерты в Сан-Суси. Фрагмент. Фридрих II играет на флейте

В ходе апрельских празднеств по окончании войны с пруссаками еще не оформленную стрелку Васильевского острова использовали для театрализованных действий «с фейерверком». Во время праздника на стрелке возвели гигантские щиты «против дворца и окон самой оной залы, где отправлялось тогда торжество. Впереди, против сих щитов, поделаны были другие движущиеся колоссальные фигуры, изображающие Пруссию и Россию, которые, будучи сдвигаемы по склизам и загоревшись, сходились издалека вместе и, схватившись над жертвенником руками, означали примирение. Не успело сего произойти, как произошло вдруг на сем месте пальмовое дерево, горевшее наипрекраснейшим зеленым и таким огнем, какого я никогда до того не видывал. А вслед за сим выросли тут же и многие другие такие же деревья и составили власно как амфитеатр кругом сего места»⁷.

---

⁷ Болотов А. Т. Указ. соч.

Екатерина II на ступенях Казанского собора 28 июня 1762 г.

Подобные праздники, глубоко оскорблявшие национальные чувства продолжались очень недолго. В мае 1762 г. Петр III навсегда покинул Зимний дворец, а Екатерина Алексеевна в это время активно собирала сторонников, для того чтобы 28 июня 1762 г., в день переворота, хозяйкой въехать в Зимний дворец. А. Т. Болотов, бывший очевидцем событий, вспоминал, что «шествие ее простиралось прямо к Казанской соборной церкви, и тут провозглашается она императрицею и самодержицею всероссийскою и принима-

ет первую, от случившихся при ней, присягу; а потом, при провозждении своей гвардии и множества бегущего вслед народа, шествует в Зимний дворец и окружается там гвардиею и бесчисленным множеством всякого звания людей, радующихся и кричащих: „Да здравствует мать наша, императрица Екатерина!“».

Сама же императрица вспоминала, что она «отправилась в новый Зимний дворец, где Синод и Сенат были в сборе. Тут наскоро составили манифест и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пешком войска, которых было более 14 000 человек гвардии и полевых полков. Едва увидали меня, как поднялись радостные крики, которые повторялись бесчисленной толпой».

Далее Болотов писал: «Самый народ, наполняющий всю площадь и все улицы кругом дворца и восклицающий во все горло, не знал ничего о самых обстоятельствах всего дела. Тотчас привезены были и поставлены, для защищения входа во дворец, заряженные ядрами и картечами пушки, расставлены по всем улицам солдаты и распушен слух, что государь, будучи на охоте, упал с лошади и убился до смерти и что государыня как опекунша великого князя, ее сына, принимает присягу. В самое то же время приказано было всем полкам, всему духовенству, всем коллегиям и другим чиновникам собраться к Зимнему дворцу для учинения присяги императрице, которая и учинена всеми не только без всякого

прекословия, но всеми охотно и с радостью превеликою»⁸. Так началось новое царствование...

Утвердившись во власти, Екатерина II быстро привыкла к своему новому дому и делала все для того, чтобы ее новая резиденция оказалась в одном ряду с известнейшими резиденциями европейских монархов. Поэтому, кроме принимаемых архитектурно-планировочных решений, императрицу в немалой степени заботил и окружающий дворец «ландшафт». Именно при Екатерине II набережные Невы одели в гранит. При этом по-немецки педантичная и аккуратная императрица требовала соблюдать порядок на строительной площадке. Именно с этим связана ее записка к обер-полицмейстеру Петербурга Н. И. Рылееву: «Чево вы смотрите? К Эрмитажу ни с которой стороны приезда и проезда нет, для чего вы не требуете, как от конторы строений, так и от Карадыкина⁹, чтоб строили не заваля берега пешаходна и улицу, по крайней мере, чтоб проезд остался»¹⁰.

Обустроивалась императрица и в своих личных комнатах. В их классицистических интерьерах отражались и личные вкусовые пристрастия императрицы, и ее интеллектуальный уровень. По свидетельству «допожарных» авторов, которые

---

⁸ Болотов А. Т. Указ. соч.

⁹ Карадыкин Николай Матвеевич (1750–1804) – тайный советник, управляющий Кабинета Е. И. В.

¹⁰ Собственноручные записочки императрицы Екатерины II к С.-Петербургскому обер-полицмейстеру Н. И. Рылееву // Исторический вестник. 1881. № 2.

могли видеть сохранявшиеся до 1837 г. антресоли императрицы, «в ее внутренних комнатах изображалась простота со вкусом; в них мало было позолоты, резьбы, дорогих тканей. Отличные только картины и обширное книгохранилище составляли лучшие убранства»¹¹.

В. С. Садовников. Вид набережной и Мраморного дворца

Как известно, короля делает свита. Екатерина II на протяжении своей жизни окружала себя разными людьми. Кадровая политика императрицы была небесспорной, но чаще

---

¹¹ *Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения) // Русский архив. 1870. М., 1871. Стб. 2084.*

всего выбор ее оказывался удачным. Со сподвижниками ее связывали отношения разного уровня. Некоторых она любила. Просто любила, как любит женщина. Некоторые вызвали ее неприкрытое раздражение, как амбициозная, но столь необходимая в 1762 г. сподвижница по перевороту Е. Р. Дашкова. Но чаще, понимая слабости и сильные стороны сподвижников, она как прагматичный политик использовала их. Все эти люди из года в год посещали рабочий кабинет императрицы в Зимнем дворце, а некоторые из фаворитов, сумевших выйти на уровень государственных деятелей, жили непосредственно в Зимнем дворце.

Особенно тяжело Екатерине II пришлось в первые годы царствования, когда ей приходилось доказывать, что она в состоянии не только удержать власть, но и провести реформы в интересах всего дворянства. Очень понятна ее фраза, оброненная в письме, датированном 2 июля 1762 г., к своему бывшему «другу сердечному» графу С. Понятовскому: «Я завалена делами и не могу сообщить вам подробную реляцию»¹². Тогда после переворота прошло менее недели.

Со временем у императрицы выработался собственный ритм работы, оставлявшей ей время для светских, представительских мероприятий и развлечений. Хотя и эти «мероприятия», и «развлечения» тоже были важной частью ее работы. Этот «рабочий ритм» определял расписание дня Екатерины II. Кстати, следует иметь в виду, что она была клас-

---

¹² Избранные письма. Императрица Екатерина II // О величии России. М., 2003.

сическим «жаворонком», рано начинавшим свой рабочий день.

О ритме своего рабочего дня в Зимнем дворце императрица писала одному из своих французских корреспондентов: «Я встаю аккуратно в 6 часов утра, читаю и пишу одна до 8, потом приходят мне читать разные дела; всякий, кому нужно говорить со мною, входит поочередно один за другим; так продолжается до 11 часов и далее, потом я одеваюсь. По воскресеньям и праздникам иду к обедне, в другие же дни иду в приемную залу, где обыкновенно дожидается меня множество народа; поговорив полчаса или $\frac{3}{4}$ часа, я сажусь за стол; по выходе из-за стола является гадкий генерал¹³, чтобы читать мне наставления; он берет книгу, а я свою работу. Чтение наше, если его не прерывают пакеты с письмами и другие помехи, длится до шести часов с половиною; тогда или я еду в театр, или играю, или болтаю с кем-нибудь до ужина, который кончается до 11 часов. Затем я ложусь и на другой день повторяю то же самое, как по нотам»¹⁴.

---

¹³ Императрица имела в виду Г. Орлова.

¹⁴ Из жизни императрицы Екатерины II // Гражданин. 1873. № 48.

Д. Г. Левицкий. Портрет Е. Р. Дашковой. 1784 г.

Конечно, рабочий график императрицы менялся в зависимости от состояния здоровья, времени года и возраста. Упоминая о том, что она жаворонок, вставая «аккуратно в 6 часов утра», императрица весной 1774 г. могла отметить, что «встала... в осьмом часу, потом пошла в бани», а в августе того же года – что «спала до десятого часа, а вставши... здорова, но слаба из меры вон». Эта умная, проницательная и волевая женщина, конечно, не была неким запрограммированным механизмом. Иногда ей хотелось полежать в постели подольше, иногда она болела, все у нее было, «как у людей»...

В последующие годы противоречивый образ императрицы идеализировался, слившись с мифологизированным образом «Екатерины II Великой». Но имелись и бытовые зарисовки, почерпнутые из очень устойчивой дворцовой мифологии, хранившейся в виде преданий в императорских резиденциях на разных уровнях, от лакеев до сановников. Так, по этим преданиям, в последние годы жизни «она требовала уже вспоможения. Колокольчик давал знак, и Марья Савишна Перекусихина первая ей представляла. Иногда сия находила ее паки погруженною в сладкой дремоте; не желая же прервать оной, часто сама на софе против ея засыпала, и тогда уже Екатерина ее пробуждала. В один день, предавшись сну до 7 часов, сказала она: „О какое услаждение! Для чего не могу и я, как другие, пользоваться таким успокоением?“. Встав с постели, она немедленно шла в уборную, где нахо-

дила теплую воду для полоскания рта и лед к обтиранию лица»¹⁵.

В своей «царской работе» Екатерине II необходимо было держать в памяти множество деталей и быть компетентной в самых разных вопросах, принимая «окончательные решения». Об уровне компетентности и осведомленности императрицы сохранилось множество свидетельств. Например, граф Рожер Дама свидетельствовал, как однажды в своем доме, в кабинете, будучи совершенно один, он, глядя на проходившие мимо два гвардейских батальона, обронил: «„Если бы шведский король увидел это войско, я думаю, он заключил бы мир“». Я ни к кому не обращал этих слов, так как считал, что я был один. Два дня спустя, когда я явился на поклон к императрице, она нагнулась и сказала мне на ухо: „Итак, вы думаете, что если бы шведский король осмотрел мою гвардию, он заключил бы мир?“». ¹⁶ Этот эпизод наглядно свидетельствует, насколько плотно велся надзор за иностранными дипломатами, работавшими в России. Императрица не считала нужным это скрывать, демонстративно давая понять, что все «они» «под колпаком» ее тайной полиции.

По свидетельству современников, первым утренним докладчиком императрицы был петербургский обер-полиц-

---

¹⁵ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2085.

¹⁶ Записки графа Рожера Дама // Старина и новизна: Ист. сб. СПб., 1914. Кн. XVIII. Электронная версия.

мейстер, который сообщал о «происшествиях, состоянии цен на жизненные припасы в городе, о молвах народных. Самые неважные обстоятельства доводились до ее сведения. Екатерина была любопытна, желая знать о своих чадах, и речи их много действовали над ее умом»¹⁷.

В результате многолетних «кадровых перестановок» императрице удалось создать вокруг себя окружение, довольно успешно отвечавшее на вызовы времени, закрепляя за Россией статус великой державы. Безусловно, с одной стороны, Екатерина II была многогранной личностью, чье образование удачно легло на природный интуитивный ум и женскую прагматичность. С другой стороны, все знать невозможно, и со временем у императрицы появились профессиональные уловки, ставившие в тупик мало знавших ее людей.

Например, у императрицы имелся сервиз с картами России, по одной губернии на тарелку. По одной из легенд Зимнего дворца, «бывало, военные люди, или губернаторы, или предводители выходили после обеденного стола у Императрицы Екатерины в изумлении от знания ею каждой крепостцы, каждой местности, отличительной ее особенности, множества имен, словом, от разнообразия тех вопросов, которые она задавала своим гостям относительно России. Объяснялось это, между прочим, и секретом ее сервиза. Когда у Императрицы обедали военные люди, то она имела перед собою во время обеда тарелки, на которых со всеми подроб-

---

¹⁷ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2087.

ностями обозначены были крепости или военные карты; когда обедали губернаторы, то ей подавали тарелки с картами тех губерний, коих губернаторы перед нею сидели, карты, на которых обозначились не только города, но ярмарки, фабрики, количество населения и тому подобные сведения, значительно облегчавшие ей труд памяти припоминать все, что она узнавала из рапортов и донесений»¹⁸. Вероятнее всего, мемуарист утрирует столь прагматичное использование сервизов, но подобный «географический» сервиз, действительно, имеется в коллекции Государственного Эрмитажа.

Многие годы, проживая в Зимнем дворце, окруженная не слишком часто менявшимся штатом слуг, императрица выстроила с ними достаточно своеобразные отношения, мало-типичные для XVIII в.

Императрица Екатерина II, как умный человек, прекрасно понимала, какие последствия могут иметь ее слова, сказанные в запальчивости. Поэтому даже тогда, когда для гнева были все основания, она старалась не давать волю чувствам. Она «редко приходила ко гневу, и, когда увеличивался в ее щеках румянец, она засучивала в верх рукава, расхаживала по комнате, пила воду и никогда в первом движении ничего не определяла»¹⁹. (Наверное, она мысленно считала до десяти, как советуют психологи, а затем принимала решение.) Это правило – не рубить с плеча – распространялось как на

---

¹⁸ Из жизни императрицы Екатерины II.

¹⁹ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2080.

сановников, так и на слуг.

А. А. Безбродко и И. И. Бецкой

В. Я. Чичагов и А. Г. Орлов-Чесменский

Г. Р. Державин и Е. Р. Дашкова

П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин и А. В. Суворов

В «командный состав» личного штата императрицы входили пять камердинеров: три при ней в Зимнем дворце и два при Малом Эрмитаже. Те, кто находился «при особе», имели свои специализации: «Первый смотрел за гардеробом и готовил платья для следующего дня. Второй надзирал за порядком в личных покоях. Третий возглавлял кладовую, в которой хранились парча, бархат, полотно и другие вещи. Он еженедельно представлял Екатерине II ведомость „О выдаче всего в неделю“ даже до мелочей, как-то: ленточек, тесемок,

и она всегда помечала своею рукою: „записать в расход“»²⁰. Немецкая системность Екатерины II проявлялась и в таких житейских мелочах.

Впрочем, императрица иногда позволяла себе раздражаться, когда «по работе» не могла найти ту или иную бумагу. Естественно, гнев выплескивался на ближний круг – камердинеров, о чем свидетельствует эпизод с одним из них, А. С. Поповым: «Ища на своем бюро какую-то бумагу и не находя ее, Екатерина, за ропот с его стороны и оправдания, выслала его от себя. Но, оставшись одна, нашла свою пропажу в ящичке и приказала позвать Попова²¹. Тот не шел, говоря: „Зачем я к ней пойду, когда она меня выгнала!“ Это сказали Государыне, и она вышла в переднюю, и сказала ему: „Прости меня, Алексей Семенович. Я перед тобою виновата“. Но не знакомый с утонченностями обращения Попов и на это заявление милости Государыни не удержался, чтобы не сказать: „Да ведь это не в первый раз; вы часто от торопливости своей на других нападаете, Бог с вами. Я на вас не сержусь!“. Екатерина II только улыбнулась»²².

Подчас своеобразный либерализм императрицы мешал ее

---

²⁰ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2092.

²¹ Попов Алексей Семенович (1728–1780) – камер-фурьер и камердинер императрицы Екатерины II. Надгробие в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры (скульптурная композиция с портретом, мрамор. 1781 г. Скульптор Я. Земмельгак). Памятник перенесен из Некрополя XVIII в. в собор в 1954 г.

²² Избранные письма. Императрица Екатерина II // О величии России. М., 2003. Электронная версия.

работе. Мемуарист свидетельствует, что «однажды г. Козицкий²³ читал пред нею бумаги, а в другой комнате придворные играли в волан и заглушали его слова. – Не прикажете ли, сказал он, пребыть им в тишине? От них ничего не слышно. – Нет, отвечала она, у всякаго свои занятия; мы судим рядом с тобою о делах, они же в забавах, которых я нарушить не желаю. Возвысь ты голос, и оставим их веселиться»²⁴. Конечно, подобные сцены отчасти были спектаклем, квалифицированно разыгранным Екатериной, но так бывало далеко не всегда, и изредка выведенная из себя императрица очень по-женски «нападала» на своих подданных...

Хотя, случалось, что нерадение слуг вполне расчетливо прощалось императрицей, хорошо понимавшей значение дворцовых легенд и историй в формировании облика «просвещенной» правительницы. Князь Ф. Н. Голицын приводит одно из таких преданий Зимнего дворца: «Государыня была очень терпелива и до служащих в ее комнатах очень милостива. Вот сему пример. Однажды, после обеда, она, сидя в кабинете, изволила написать записку и позвонила, чтобы

---

²³ Козицкий Григорий Васильевич (1724–1775) – секретарь Екатерины II. Окончил Киевскую духовную академию, затем продолжил образование за границей. В 1756 г. определен в Санкт-Петербургскую Академию наук лектором философских и словесных наук, затем назначен адъюнктом и «почетным советником». Пользовался покровительством братьев Орловых. В 1768 г. назначен секретарем при принятии прошений на высочайшее имя. Отличался трудолюбием и хорошим знанием иностранных языков (переводил Овидия, Свифта, Мармонтеля и др.).

²⁴ *Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения)*. Стб. 2088.

вошел камердинер; но никто не входит. Она в другой раз, но также никого. Подождавши немного, она уже изволила встать, пошла к ним в комнату и с удивлением, но без гнева, им сказала, что она несколько раз звонила, но никто не идет. Они, оробевши, извинились, что не слышали. „А что вы делаете?“ – изволила Государыня спросить. „Мы между собою играли в карты по обыкновению“. – „Так вот тебе, Михайла, письмецо; отнеси его к князю Потемкину; а чтоб не останавливать вашу игру, я, покуда ты ходишь, сяду за тебя“. – Какая милость и какое снисхождение!»²⁵. Можно сомневаться в достоверности подобных легенд, но фактом является то, что императрица указом запретила пороть провинившихся слуг Зимнего дворца. Для ее преемников, особенно для Николая I, указ его бабушки превратился в серьезную «дисциплинарную проблему».

Отчетливо понимая груз ответственности, который она несла, Екатерина II жестко следовала правилу «делу – время, потехе – час». Даже пребывая в состоянии очередной влюбленности, она не позволяла фаворитам посягать на ее рабочие часы. Так, в 1775 г. императрица писала П. В. Завадовскому: «Я повадила себя быть прилежна к делам, терять прямо как возможно менее, но как необходимо надобно для жизни и здоровья прямо отдохновения, то сии часы тебя посвящены, а прочее время не мне принадлежит, но Империи,

---

²⁵ Голицын Ф. Н. Записки / Предисл. П. И. Баргенева // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 5. Стб. 1317.

и буде сие время не употреблю как должно, то во мне родится будет на себя и на других собственное мое негодование, неудовольствие и *mauvaise humeur* от чувствие, что время провождаю в праздность и не так, как должна. Спроси у кня[зя] Ор[лова], не исстари ли я такова. А ты тотчас и раскричися, и ставишь сие, будто от неласки. Оно не оттого, но от порядочного разделения прямо между дел и тобою. Смотри сам, какая иная забава, разве что прохаживаюсь. Сие я должна делать для здоровья»²⁶.

Таким образом, светские развлечения императрицы в Зимнем дворце устраивались, в том числе, и «для здоровья». В целом развлечения императрицы укладывались в стандарты XVIII в. Даже ее склонность к работе своими руками не выходила за рамки обычаев, укоренившихся в императорских резиденциях со времен Петра I. Так, Екатерина II «точила из кости, дерева, янтаря, переводила на стекла антики, играла по одной партии в биллиард и возвращалась после на свою половину»²⁷. Упомянем и то, что на крыше Фонарика над личной половиной Екатерины II появилась астрономическая башенка, оснащенная телескопом.

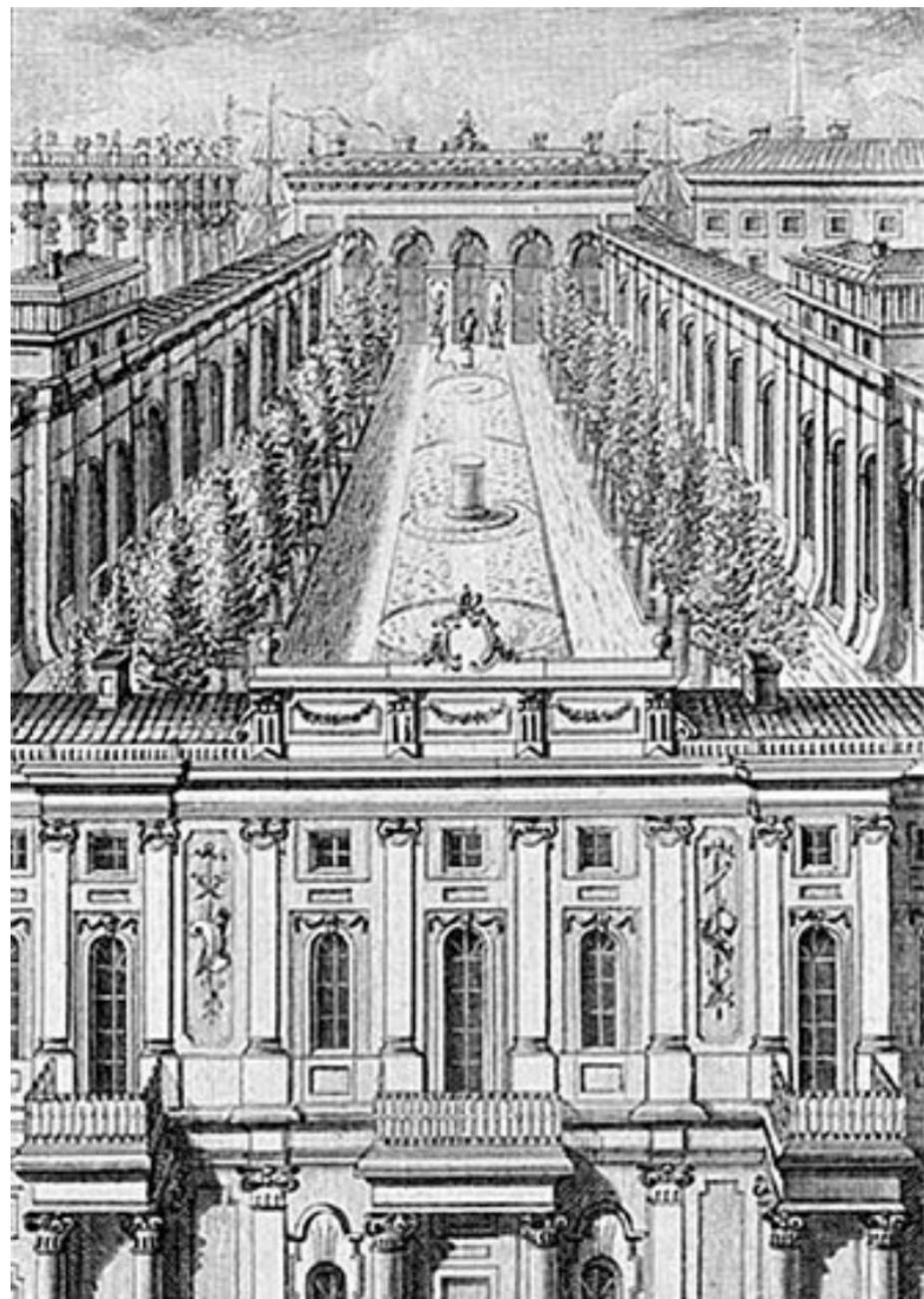
---

²⁶ Письма Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1775–1777 гг.) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. Электронная версия.

²⁷ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2091.

И. Б. Лампи. Портрет П. В. Завадовского. 1795 г.

Мальий Эрмитаж. Вид на Южный павильон и перспектива Висячего сада в сторону Северного павильона. Гравюра Н. Саблина. 1773 г.

Об этой астрономической башенке упоминает в записках воспитатель великого князя Павла Петровича С. А. Порошин (9 октября 1765 г. Воскресенье): «Пришел к Государю Цесаревичу граф Григорий Григорьевич Орлов от Ея Величества звать Великого Князя на обсерваторию, которая построена вверху над покоем Ея Величества. Пошел туда Его Высочество, и Государыня быть там изволила. Весь город виден». Добавим, что эту астрономическую башенку, устроенную над личными покоями Екатерины II, в совсем ветхом состоянии снесли по распоряжению Николая I в 1826 г., она отслужила, по крайней мере, 61 год.

Висячий сад Малого Эрмитажа сегодня

Место для частного отдыха императрицы было вынесено за стены «каменного Зимнего дома» и находилось в Малом Эрмитаже. Там имелось несколько «зон отдыха». Северный павильон, выходящий окнами на Неву, именовался «Оранжерейным домом». Южный павильон, выходящий окнами на Миллионную улицу и Дворцовую площадь, соединенный коридором с покоями императрицы, за глаза именовался «Фаворитским корпусом». Эти два корпуса соединял висячий сад, уже при Екатерине II затянутый металлической сеткой, для того чтобы не разлетались населявшие его птицы.

Так называемые эрмитажные собрания проводились в

Оранжерейном павильоне, где имелись роскошно убранные комнаты и залы. Собственно, эти собрания гостей в Оранжерейном павильоне и стали поводом для переименования всего корпуса в Малый Эрмитаж.

Склонная к регламентации всего и вся, императрица разделяла и круг своего общения даже в развлечениях. Наиболее известны ее эрмитажные собрания – большие и малые.

Большие эрмитажные собрания проходили по воскресеньям. На них допускался весь дипломатический корпус и особы первых двух классов по Табели о рангах. Императрица, сопрягая отдых с работой, беседовала с вельможами и дипломатами. Наверное, такие собрания для нее были больше работой, чем отдыхом.

Малые эрмитажные собрания проводились по четвергам. В этот день в Малом Эрмитаже собирался только очень узкий круг «своих». Во время собраний танцевали, смотрели небольшие спектакли и ужинали. Одной из таких «своих», допущенных в святая святых, оказалась будущая фрейлина императрицы, тогда 15-летняя княжна В. Н. Шувалова (в замужестве графиня В. Н. Головина). Ее еще дебютанткой на придворной сцене, в начале 1780-х гг., допустили к такому собранию: «Императрица велела дяде привезти меня в собрание малого Эрмитажа. Мы отправились туда с дядей и матушкой. Собиравшееся там общество состояло из фельдмаршалов и генерал-адъютантов, которые почти все были старики, статс-дамы графини Брюс, подруги импе-

ратрицы, из фрейлин, дежурных камергеров и камер-юнкеров. Мы ужинали за механическим столом: тарелки спускались по особому шнуру, прикрепленному к столу, а под тарелками лежала грифельная доска, на которой писали название того кушанья, которое желали получить. Затем дергали за шнурок, и через некоторое время тарелка возвращалась с требуемым блюдом. Я была в восхищении от этой маленькой забавы и не переставала тянуть за шнурок»²⁸. Уточним, что дядей юной дебютантки был влиятельный обер-камергер И. И. Шувалов, в молодости многолетний фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

---

²⁸ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911. Электронная версия.

Портрет В. Н. Головиной. Нач. XIX в.

Ф. С. Рокотов. Портрет И. И. Шувалова. 1760 г.

В начале 1780-х гг. на эти эрмитажные собрания часто приводили маленьких великих князей Александра и Константина, столь любимых царственной бабушкой. Мемуаристка упоминает, что будущему Александру I тогда было

четыре года, а Константину – три. Маленькие мальчики под звуки скрипки «танцевали» с молоденькими фрейлинами. При этом танцевали они полонез!²⁹

Императрица Екатерина II в окружении членов семьи и придворных. С гравюры Ф. Г. Сидо. 1784 г.

По вторникам императрица Екатерина II играла в карты в Бриллиантовой комнате, окруженная не только своими при-

---

²⁹ Полонез (от польск. – *polonez*, от фр. *polonaise* – польский) – торжественный танец-шествие в умеренном темпе, имеющий польское происхождение. Исполнялся, как правило, в начале балов, подчеркивая торжественный, возвышенный характер праздника. В полонезе танцующие пары двигаются по установленным правилами геометрическим фигурам.

дворными, но и блеском бесчисленных драгоценных камней.

Естественно, на придворные собрания Екатерина II являлась одетой в соответствии со своим статусом. Как женщина и императрица, Екатерина II могла позволить себе иметь богатейший гардероб. Тем более что она постоянно пребывала «в состоянии любви». О масштабах закупок деликатных женских мелочей свидетельствует «Реестр купленным по комнате Ея Императорского Величества» за 1767 г.: «360 пар чулок шелковых белых дамских по 6 р. пара – 2160 р.; 50 дамских перчаток льняных белых по 6 р. пара – 300 р.»³⁰.

Значительное место в истории Зимнего дворца занимают истории, связанные с фаворитами Екатерины II. Литературы на эту тему множество, но для нас главным является именно Зимний дворец и все происходящее «на его фоне».

Все фавориты императрицы Екатерины II то или иное время жили в Зимнем дворце. Постепенно сложились некие традиции, связанные с «географией» Зимнего дворца. Со времен графа Григория Орлова, первого фаворита-«жильца» Зимнего дворца, рядом с покоем императрицы постепенно сформировался комплекс покоев ее фаворитов. Фавориты менялись, а комнаты переходили от одного сердечного друга к другому. Как мы уже упоминали, они «географически» располагались в южном павильоне Малого Эрмитажа, связанного коридором с покоем императрицы в юго-

---

³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3880. Л. 264. Реестр именованным Ея императорского Величества указам 1767 г.

восточном ризалите Зимнего дворца. Впрочем, иногда фаворитов могли поселить на антресолях первого этажа, прямо под покоем императрицы. Это позволяло совершенно приватно обставить взаимные визиты по внутренним лестницам ризалита.

Фаворитизм был обычным явлением при всех европейских дворах XVIII в., фактически превратившись в государственный институт, что воспринималось аристократией совершенно спокойно, поскольку для монархов-мужчин это считалось нормой. Особенностью России стало то, что институт фаворитизма со времен Екатерины I (и даже со времен царицы Софьи) складывался, когда на российском троне царствовали женщины. Впрочем, за долгие годы «бабьего царствования» привыкли и к этому. В результате при Екатерине II фаворитизм приобрел черты почти узаконенного государственного института.

Для самой Екатерины II (кстати – вдовы) институт фаворитизма, кроме естественного для каждой женщины желания опереться на крепкое мужское плечо, превратился в своеобразный «кадровый кастинг», поскольку каждого из своих фаворитов Екатерина II старалась «подтянуть» к своим государственным занятиям, стараясь разделить с ними не только ложе, но и груз государственных забот. Многие из фаворитов оказывались «пустышками», и им на смену приходили другие. Некоторые из этих «других» охотно разделяли труды императрицы по управлению огромной Империей и

оставались на значительных должностях, даже перестав бывать в спальне своей повелительницы.

Другими словами, спальня императрицы в юго-восточном ризалите Зимнего дворца была неким «отделом кадров», через него она «прокачивала» кандидатов, пыталась отыскать «крепкое мужское плечо», на которое можно опираться в делах государственных. В случае очередной «кадровой находки» императрица не стеснялась оповестить об этом весь свет. Нельзя забывать, что Екатерина II была женщиной, причем женщиной одинокой, и, как любая женщина, она нуждалась в мужском внимании, ласке и любви. Надо признать, что при всем уме, таланте, интуиции и потрясающей работоспособности Екатерина II вряд ли смогла бы добиться таких успехов в государственной деятельности без опоры на своих соратников, которыми она сумела себя окружить.

Екатерина II и Г. А. Потемкин на памятнике «Тысячелетие России». Новгород Великий

*М. О. Микешин. Памятник Екатерине II в Петербурге.
1873 г.*

Зная эти личностные особенности императрицы, ее окружение ожесточенно боролось за то, чтобы «подставить» императрице «своего» кандидата, понимая, что «свой», при удаче, превратится во влиятельную фигуру на шахматной доске власти. Например, столь удачную «кадровую находку», как Г. А. Потемкина, «подвела» к императрице ее доверенная приспешница Прасковья Александровна Брюс, которую императрица попросту называла «Брюсшей». Одна из завсегдатаев вечеров в Зимнем дворце писала мужу (20 марта 1774 г.): «Не поверишь, батюшка, сколько интриг и обманов в людях увидишь; кажется, друзья душевные, целуются, уверяют, а тут-то и друг другу злодействуют...».

Если «случай» удавался, то императрица держала своего любовника на «коротком поводке». Так, один из таких кратковременных «случаев» – П. В. Завадовский – описывал свой распорядок дня в Зимнем дворце следующим образом: «Надобно тебе знать, что я утром от 9 часов до обеда при лице государыни; после обеда почти до 4 часов у нее ж: 7-й и 8-й часы провождаются в большом собрании, где все играют, а я не всякой же день. По окончании сего я опять бываю у государыни, и от 10-го часа уже не выхожу из комнаты своей».

Портрет Г. А. Потемкина-Таврического

Жан де Самсуа. Портрет П. А. Брюс «Весна». Ок. 1756 г.

Фаворитам запрещалось покидать Зимний дворец без

разрешения императрицы. Даже ее последний фаворит Платон Зубов, поселившийся в Зимнем дворце, по примеру прочих, «в первом этаже в отдельных комнатах, над которыми были спальня и кабинет Государыни с маленькою потаенною лестницею, сообщающею верх с низом», «не мог без доклада отлучиться из дворца; ему воспрещалось разговаривать с женщинами; и если он приглашался кем-нибудь женатым на обед, то хозяйка должна была выезжать из дому»³¹. Напомним, что 24-летний князь Платон Александрович Зубов поселился в Зимнем дворце в 1791 г., когда императрице было 62 года. Упомянем и о том, что рядом с комнатами Екатерины II проживала камер-юнгфера Мария Саввична Перекусихина (1739–1824). При Екатерине II она заняла совершенно особое положение. Через нее ходатайствовали о самых деликатных делах, добываясь милостей императрицы. При этом как доверенное лицо императрицы М. С. Перекусихина не «гребла под себя», и о ней современники вспоминали, по большей части, добрыми словами. Так, Ф. В. Ростопчин писал о ней: «Будучи достойно уважена всеми, пользуясь неограниченною доверенностию Екатерины и не употребляя оной никогда во зло...»³². Как камер-фрау Переку-

---

³¹ «Любимец должен повсюду сопровождать государыню» (Неизвестная рукопись из семейного архива князей Оболенских-Нелединских-Мелецких // Источник. Документы русской истории. № 6. 2001. Электронная версия).

³² *Ростопчин Ф. В.* Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I-го // Архив князя Воронцова. Кн. 8. М., 1876. С. 158–174. Электронная версия.

сихина первой входила в спальню императрицы по ее звонку, чтобы помочь одеваться.

*И. Б. Лампи. Портрет светлейшего князя П. А. Зубова.
1793 г.*

М. С. Перекусихина

М. С. Перекусихина родилась в небогатой дворянской семье в Рязанской губернии. Ее старший брат был крупным

гражданским чиновником, получив должность сенатора в 1788 г. Императрица привязалась к этой женщине, не имевшей серьезного образования, не знавшей иностранных языков, но безусловно преданной ей. Екатерина II высоко ценила преданность Перекусихиной, называя ее своим другом.

Уверенность в преданности слуги появилась у императрицы не на пустом месте. Дело в том, что именно в комнатах М. С. Перекусихиной кандидаты в фавориты проходили своеобразные смотрины: «Когда Государыня намеревалась возвысить кого на степень своего любовника, тогда приказывала наперснице своей Марьи Саввичне Перекусихиной позвать его к себе обедать, куда приходила Государыня как бы нечаянно. Там разговаривала она с гостем и старалась изведать: достоин <ли> был он того высокого предпочтения, которое ему предназначалось. Когда обращал он на себя внимание Государыни, тогда давала она глазами знать Марьи Саввичне, которая по уходе Ея сообщала о сем тому, кто понравился. Рано на другой день являлся к нему придворный доктор, который свидетельствовал состояние здоровья его. В тот же вечер с новым званием камергера или флигель-адъютанта сопровождал он Государыню в Эрмитаж и переходил в приготовленные для него комнаты. Порядок сей завелся с Потемкина и продолжался неизменно».

Современники оставили несколько историй, живописующих отношения этих очень разных женщин: «Случилось Императрице занемочь в одно время с госпожею Перекуси-

хиною, и каждая безпокоилась о состоянии другой. Екатерина при всей слабости напрягала силы и с помощью вожа-тых являлась всякой день к навещению усердной своей слу-жительницы. Болезнь Императрицы увеличилась, она гото-вилась к смерти, но и в сей трепетный час не забывает о при-верженной к себе, кладет 25.000 рублей в пакет с надписью: *Марье Савишине после моей смерти*. Небо сжалилось над Рос-сией, прошла опасность, и Екатерина возвращена к жизни. Тогда она призывает ту к себе и, вруча ей пакет, говорит так: „Мне было очень тяжело, не думала я опять жить с тобою, однако все помышляла о тебе, и вот тому доказательство. Возьми это как залог моей к тебе дружбы и пользуйся при мне здравствующей тем, что я после себя тебе приготовила“. Г. Перекусихина упала в слезах к ея ногам, вся душа ея из-ливалась в благодарности. И кто бы не отдал всей жизни при уверенности, что каждый подвиг оценится и что жертва та-кую самодержицею приемлется?»³³.

Или еще одна симпатичная история, в которой прогляды-вает самоирония, столь свойственная Екатерине II: «Одна-жды во время ея отдохновения с г. Перекусихиной на желез-ном канаве, проходящий петербургский франт, взглянув на них весьма спесиво, не скинул шляпы и, насвистывая, про-должал прогулку. – „Знаешь ли, сказала она, как мне досад-но на этаго шалуна? Я в состоянии приказать его остановить и вымыть за то голову“. – „Ведь он не узнал вас, матушка“, –

³³ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2097.

отвечала та. — „Да я не об том говорю, конечно, не узнал; но мы с тобою одеты порядочно, еще и с галунчиком, щеголевато: так он обязан был иметь к нам, как к дамам, уважение“. Наконец она засмеялась и заключила неудовольствие следующими словами: „И то сказать, Марья Савишна, устарили мы с тобою; а когда бы были помоложе, поклонился бы он и нам“»³⁴.

Когда Екатерина II умирала в своей спальне Зимнего дворца, Мария Саввична безотлучно находилась рядом со своей умирающей хозяйкой до самого ее конца.

Благодарная память о М. С. Перекусихиной³⁵ сохранялась в Зимнем дворце довольно долго, хотя ее по указу Павла I и удалили из резиденции: «Уволить от двора девицу Марию Перекусихину и производить ей по службе пенсию из Кабинета по тысячи двести рублей в год». Павел I пожаловал ей дом на Английской набережной и имение в Рязанской губернии. Ее часто посещали те, кто помнил блестящий век Екатерины II. Так, оказавшись в 1810 г. в Петербурге, графиня В. Н. Головина сочла нужным навестить ее как «особу, замечательную и по своему уму, и по той привязанности, которую она сохранила к государыне, другом которой была целые тридцать лет»³⁶.

---

³⁴ *Сумароков П. И.* Черты Екатерины Великой (Извлечения). Стб. 2115.

³⁵ М. С. Перекусихина похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Надгробие сохранилось.

³⁶ *Головина В. Н.* Мемуары графини Головиной...

Еще одной камер-фрейлиной императрицы была графиня Анна Степановна Протасова. Она оказалась в Зимнем дворце благодаря своему родственнику Г. Г. Орлову. Поскольку внешность молоденькой девушки оказалась своеобразной, то женихов для нее, несмотря на всю заинтересованность императрицы, не нашлось, Екатерина II взяла А. С. Протасову к себе на должность камер-фрейлины. По свидетельству графини В. Н. Головиной, «графиня Протасова, безобразная и черная, как королева островов Таити, постоянно жила во дворце»³⁷.

Со временем Протасова перетянула во дворец и племянниц. Императрица, согласно дворцовым легендам, терпеливо сносила непростой характер своей камер-фрейлины, называя Протасову «моей королевой». В. Н. Головина приводит следующую сценку, рисующую некую принципиальную позицию Екатерины II в отношении ближайшего окружения: «Однажды, когда Протасова была особенно не в духе, ее величество, заметив это, сказала ей: – Я уверена, моя королева, – она так называла ее в шутку, – что вы нынче утром прибили свою горничную и потому как будто в дурном расположении. А вот я, встав в пять часов утра и решив дела в пользу одних и во вред другим, оставила все дурные впечатления и беспокойства в своем кабинете и прихожу сюда, моя прекрасная королева, в самом лучшем настроении»³⁸.

---

³⁷ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

³⁸ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

Портрет А. С. Протасовой (?). Кон. 1790-х гг.

По свидетельству Карла Массона, служившего некоторое время при великом князе Александре Павловиче и, безусловно, знакомого со многими дворцовыми легендами, именно через комнаты камер-фрейлины А. С. Протасовой в последние годы жизни Екатерины II проходили кандидаты «на должность» фаворита: «Зубова испробовали и направили к m-elle Протасовой и к лейб-медику для более подробного освидетельствования. Они, очевидно, дали благоприятный отзыв»³⁹. Собственно, такие фразы мемуаристов и устойчивые легенды Зимнего дворца приписывали этим двум камер-фрейлинам Екатерины II некие обязанности «пробирдам».

Мы не будем касаться истории и деталей взаимоотношений Екатерины II с ее фаворитами, поскольку нас главным образом интересует Зимний дворец, в стенах которого и происходили все эти истории. В обширной переписке императрицы следы этой «географической составляющей» Зимнего дворца встречаются довольно часто. Например, в феврале 1774 г. Екатерина II писала Г. А. Потемкину: «Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику (библиотеку. – И. З.) к дверям, чтоб Вас дожидаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одиннадцатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна...». Из письма предстает удивительный образ

---

³⁹ Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

45-летней женщины, два часа простоявшей на сквозняке в ожидании любимого человека.

В записке от 1 марта 1774 г. императрица упоминает об «Алмазном покое»: «Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение-обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный, а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей. Прощай, голубчик».

А. С. Протасова с племянницами. 1792 г.

В обширной переписке Екатерины II с Г. А. Потемкиным и другими фаворитами многократно упоминается «мыленка», входившая в комплекс личных покоев императрицы. 15 марта 1774 г. Екатерина II обращается в Г. А. Потемкину с вопросом: «Здравствуй, Господин подполковник. Каково Вам после мыльни?». Принимала императрица фаворита и в своем будуаре: «Сегодня, если лихорадка тебя не принудит остаться дома и ты вздумаешь ко мне прийти, то увидишь новое учреждение. Во-первых, приму тебя в будуаре, посажу

тебя возле стола, и тут Вам будет теплее и не простудитесь, ибо тут из подпола не несет».

Несмотря на довольно свободные нравы того времени, Екатерина II старалась локализовать встречи с любимым человеком комнатами личной половины в юго-восточном ризалите Зимнего дворца. В апреле 1774 г. она сообщала фавориту: «Я пишу из Эрмитажа, где нет камер-пажа. У меня ночью колика была. Здесь неловко, Гришенька, к тебе приходиться по утрам».

Письма Екатерины II к Г. А. Потемкину буквально дышат страстью: «Право, пора и великая пора за ум приняться. Стыдно, дурно, грех, Ек[атерине] Вт[орой] давать властвовать над собою безумной страсти» (после 19 марта 1774 г.); «Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю душою и телом, му[ж] доро[гой]» (после 8 июня 1774 г.). И таких записок очень много.

Был у влюбленных и свой «язык». Тогда, в 1774 г., 45-летняя императрица, искреннее любившая 35-летнего Потемкина, называла его «золотым фазаном», «юлой», «дорогим мужем», «миленьким», а себя «служанкой» и «любящей верной женой»: «С[упруг] м[ой] ми[лый] остаюсь в[сегда] л[юбящей] в[ас] в[ерной] ж[еной] я буду также или вашей покорнейшей служанкой, или вашим покорнейшим слугою, или также обоими сразу».

Любопытно, что исследователи не прошли мимо любов-

ных писем императрицы, сделав их основой для составления некоего словаря любовных словечек, бывших в ходу у несомненно одаренной литературным даром Екатерины II⁴⁰.

Впрочем, на следующий, 1775 г., императрица не менее искреннее писала очередному любовнику – графу П. В. Завадовскому: «Петруса, ты смеешься надо мною, а я от тебя без ума. Я же улыбку твою люблю беспамятно. Петруса милой, все пройдет, окромя моей к тебе страсти. Петруса, мне оставлешь одной тогда, когда его хочется видит. Петруса, Петруса, прейди ко мне! Сердце мое тебя кличет. Петруса, где

---

⁴⁰ Вот некоторые из них: ангел, ангел мой; батинька, батинька-голубчик-милый, батинька-душа, батинька-сударынька, батюшка-голубчик, батя; владыко и cher ероух (дорогой супруг); голубчик, голубчик милой, Гришенок мой, Гришенок бездонный, безпримерный и милейший в свете, Гришинька, Гришинька друг мой, Гришатка мой собственный, голубушка, голубчик-друг-сердечный, голубчик-батинька; душа милая, друг милый, друг собственный, душа милая-голубчик, душенька, душечка, душа моя милая, душенок мой дурак, дорогия сладкия губки, душатка милая, душечка милая, душечка, душа; жизнь, индейский петух, казак, кот заморской, лев в тростнике, милой, милушка, милуша, миленькой, милая душа, милой и бездонной мой, милой мой и прелюбезной друг, милой друг, милая милюша, милая милюшечка Гришинька, мамурка, милая Гришифичечка, милюша милая, милюха милушенька, моя жизнь, мой дорогой, моя душа бездонная, Москов; нежный муж; павлин, радость, сударушка, сударка, славной и сладкой, сударка миленькой, собственной мой милой, сокол мой дорогой; татарин, тигр, шалун, яйцкой, Пугачев, Яур (?). Cher éroux (милый супруг), mon cher ami, та regguche (мой попугайчик), m'amour (любовь моя), morbleu (чорт возьми, тьфу пропасть!), mon bijou (моя драгоценность; сокровище), mon ami, топ beau faisán dor (мой прекрасный золотой фазан), mon mari (мой муж), топ cher et bien aimé éroux (дорогой и возлюбленный супруг), mon toutou (амка, гамка, вавка). См.: Язык любви сто лет назад / Сообщ. И.А. // Русская старина. 1878 г. Т. 23. № 11. С. 543–544.

ты? Куда ты поехал? Бесценные часы проходят без тебя. Душа мая, Петруса, прейди скорее! Обнимать тебя хочу. Душа моя, ласка моя всегда одинака; я тебя люблю, как душу; я спала слишком много и от того голова болит; нога же, кажется, не в пример лучше вчерашнего. Прощай, душатка»⁴¹.

---

⁴¹ Письма императрицы Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1755–1777 гг.).

Портрет великих князей Александра и Константина. Работа цесаревны Марии Федоровны. 1791 г.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Константина Павловича. Пастель. ГРМ

Самыми большими и постоянными фаворитами Екатерины были ее внуки – Александр и Константин. Их она любила, как любит всякая бабушка. Она их растила, воспитывала, выбирала им жен и строила в отношении них далеко идущие планы.

При этом внуки, даже повзрослев, продолжали оставаться для императрицы детьми, и все связанное с их детством она бережно хранила. Когда в 1831 г. вскрыли один из опечатанных комодов императрицы, хранившийся в дворцовой кладовой с 1796 г., то там среди прочего нашли детские вещи, столь дорогие для бабушки: «В узелке детское белье и именно: три пеленки, два бархатных пунцовых свивальника, бумажное одеяло, одна подвязочка и пять ветошечек... В узелке же: детский шелковый шлафрок, одна пара детских бумажных чулок, батистовый фартучек, бумажный нагрудничек, вязаная бумажная фуфаечка, три шапочки»⁴².

---

⁴² РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 13. Л. 2 // Об открытии комода, поступившего в Кабинет Его Величества после кончины блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины II, и об отправлении некоторых из вещей к разным лицам по назначению г. министра Императорского двора. 1831. Именно благодаря Николаю I сохранились «военные вещи» Екатерины II: «Мундир генеральский зеленого сукна шитый по мужскому с красным воротником и обшлагами; Мундир Преображенского полка зеленого гарнитура; Мундир Семеновского полка; Мундир Измайловского полка; Мундир Конно-гвардейского полка синего гарнитура; Мундир Кирасирского полка синий; Мундир морской Белого гарнитура; Сюртук Преображенский; Мундир армейский зеленого гарнитура». См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 26. Л. 182. О достопамятных вещах, принадлежавших Императорской фамилии со времен Императора Петра I, хранящихся в разных казенных здани-

Павел I

Будущий император Павел I впервые оказался в Зимнем дворце в дни переворота, возведшего на трон Екатерину II. В ночь на 27 июня 1762 г. маленького 8-летнего Павла внезапно разбудили и под охраной отряда войск перевезли из Летнего (что на Фонтанке) в Зимний дворец. Рядом с наследником неотлучно находился его воспитатель Никита Иванович Панин, который руководил его воспитанием со времен Елизаветы Петровны.

Окончательно в Зимний дворец наследник-цесаревич великий князь Павел Петрович переехал вместе с матерью весной 1763 г., когда позади остались коронационные торжества. Для наследника выделили комнаты, ранее предназначавшиеся самой императрице, находившиеся на втором этаже западного фасада Зимнего дворца, окнами на Адмиралтейство.

Для наследника обустроили комнаты, из них главными стали учебная и библиотека, поскольку мальчику старались дать добротное образование в соответствии с веяниями века просвещения. До 14-летнего возраста Павлу преподавали Закон Божий, математику, историю, географию, физику, языки: русский, французский и немецкий, астрономию. Учебный процесс велся отрывочно, без определенной программы.

Эриксен Виргилиус. Портрет великого князя Павла Петровича в учебной комнате Зимнего дворца. 1766 г.

Большую роль в воспитательном процессе сыграла сформировавшаяся в Зимнем дворце библиотека великого князя, постоянно пополнявшаяся в последующие годы. Эта библиотека погибла во время пожара 1837 г., но остались ее каталоги, перечисляющее 1150 наименований книг в 1697 томах. Исследователи утверждают, что библиотека «работала», поскольку наследник-цесаревич любил читать. Основой для таких выводов стали записки учителя арифметики наследника С. А. Порошина⁴³, охватывающие несколько лет середины 1760-х гг. Судя по запискам С. А. Порошина, это было ознакомительное чтение, поскольку большинство книг упоминается один, много, два раза. Однако список книг, с которыми знакомился 10-11-летний великий князь, впечатляет: Монтескье, Руссо, Д'Аламбер, Гельвеций, труды римских классиков, исторические сочинения западноевропейских авторов, произведения Сервантеса, Буало, Лафонтена.

Заметим, что вряд ли наследника подобное чтение увлекало, поскольку книги были явно не по возрасту. Однако чтение подобных книг также являлось частью образовательного процесса, приучая наследника к мысли о том, что к

---

⁴³ Порошин С. А. Записки служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. СПб., 1844.

нему вполне обоснованно предъявляются более жесткие требования, чем к его ровесникам.

Более предметно великого князя в Зимнем дворце знакомили с произведениями Вольтера. Конечно, в этом факте отчетливо просматривается влияние Екатерины II, которая высоко ценила писателя и философа. Так, в записках Порошина говорится о чтении «вольтеровой Истории Петра Великого», семь раз о Вольтеровой Генриаде, шесть раз о чтении «Задига», неоднократно упоминаются также драматические произведения Вольтера. Но наряду со «взрослыми», серьезными книгами, мальчишка читал не менее серьезные «детские книги». Например, любимые бесчисленными поколениями «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо упомянуты в записках шесть раз.

Портрет Н. И. Панина

С. А. Порошин

Как всякий мальчишка его возраста, великий князь любил разглядывать разные книжные «картинки» и эстампы. В записи Порошина от 23 октября 1764 г. упоминается: «По-

сле стола изволил Его Высочество в опочивальне своей, сидя на канапе, смотреть со мною эстампы, принадлежащие энциклопедическому лексикону». Под «лексиконом» имеется в виду знаменитая энциклопедия Дидро и Д'Аламбера, имевшаяся в библиотеке Павла Петровича в Зимнем дворце.

В библиотеке Зимнего дворца имелись и картографические материалы. По воспоминаниям С. А. Порошина (1 ноября 1764 г.), наследник, «рассматривая генеральную карту Российской империи, сказать изволил: „Эдакая землища, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтоб оба концы высмотреть“».

Задавал мальчик вопросы и о недавнем прошлом. Иногда речь заходила и о его отце – императоре Петре III Федоровиче. Как-то речь зашла о Тайной канцелярии (8 октября 1764 г.). Когда наследник поинтересовался у С. А. Порошина, где теперь Тайная канцелярия, учитель ответил: «„Она отменена Государем Петром Третьим“». На сие изволил сказать мне: – „Так поэтому покойный Государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее“». Я отвечивал, что, конечно, много то честным людям сделало удовольствия и что многие непорядки отвращены тем.

Впрочем, переоценивать интеллектуальные забавы цесаревича не следует. Хотя Порошин и отмечал в «Записках», что, по большей части, Павел Петрович учился с большим желанием, но когда на Пасху наследника на неделю освободили от занятий, то «радость была превеликая». Возраст есть

возраст, и мальчик с удовольствием играл на бильярде, в воланы и шахматы, ставил опыты с электричеством, «забавлялся» у токарного станка. А после Пасхи в 1765 г. «попрыгивал и яйцами бился и катал в спальне»⁴⁴. Мальчик любил поглазеть из окна, часто проводил время на балконе над Салтыковским подъездом, наблюдая жизнь горожан. Наследник большую часть времени проводил в стенах Зимнего дворца, который был для него целым миром. Но и эти родные для него стены надоедали. Поэтому Порошин отметил в записках, что даже прогулка вокруг Зимнего дворца доставила наследнику большое удовольствие и он «рад очень был».

Уже в детстве у Павла Петровича обозначились черты характера, которые отчетливо проявились, когда он повзрослел. Например, торопливость во всем и навязчивая пунктуальность. Так, С. А. Порошин упоминает, как мальчик болезненно переживал малейшие отклонения от дневного графика: «В девятом часу сели ужинать. За столом говорили по большей части о здешних комедиянтах. Его Высочество в неудовольствии был, что уже поздненько становится, и он принужден будет лечь опочивать несколько минут позже обыкновенного. После стола чуть было о сем до великих слез не дошло, за что и достойной выговор сделан. Наконец лег опочивать в десятом часу в исходе».

---

⁴⁴ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С. А. Порошина). 1765 г. / Сообщ. С. Н. Абразапцевым // Русский архив. 1869. Вып. 1.

Будили наследника по утрам его камердинеры. Если мальчик по каким-то причинам ложился спать позже 10 часов вечера, то они его утром не трогали, давая выспаться. Когда мальчишка просыпался и понимал, что «проспал», он сердился: «Встал в почти половине восьмого и нахмурился, что поздно»; «Встал в 8-м часов. Сердился, что проспал и кричал на камердинера, для чего не разбудил» (27 апреля 1765 г.). Потом, когда Павел Петрович вырос, современники в один голос подчеркивали его пунктуальность.

Что касается торопливости, то вот еще один характерный отрывок из записок С. А. Порошина (7 декабря 1764 г.), который отчетливо перекликается с воспоминаниями об императоре Павле I: «У Его Высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом <...> за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т. е. в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурыера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. О ужине такие же заботы <...>. После ужина камердинерам повторительные наказы, чтоб как возможно они скоряй ужинали с тем намерением, что как камердинеры отужинают скоряе, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась, заботится, чтоб поутру не проспять долго. И сие всякой день почти бывает, как ни стараемся Его Высочество от

того отвадить».

И действительно, когда 42-летний Павел Петрович взошел на императорский трон, эта судорожная торопливость в делах бросалась в глаза очень многим. Казалось, император предчувствовал свою недалекую кончину и торопился изменить страну своими бесчисленными указами и распоряжениями.

Как известно, Павел I очень серьезно относился к воинской службе и ношению военной формы. Пожалуй, именно Павел Петрович столь отчетливо обозначил эту наследственную черту Романовых, устойчиво воспроизводившуюся вплоть до Николая II. А начало этому «процессу», видимо, было положено 27 июля 1765 г.: «Сего утра прислал Захар Григорьевич Чернышов⁴⁵ к Его Высочеству книжку „Описание и изображение всех здешних мундиров“. Сей книжке весьма рад был Его Высочество. Перебирал ее раз десять». Так или иначе, в последующие годы Павел Петрович получил хорошую военную подготовку. В 1772 г., в 18 лет, он начал исполнять обязанности генерал-адмирала и фактически командовал Кирасирским полком, полковником которого являлся с 1762 г.

Из детства Павла I и его увлечение Мальтийским орденом. После воцарения оно привело его не только к тому,

---

⁴⁵ Чернышев Захарий Григорьевич (1722–1784) – граф, генерал-фельдмаршал. Прославился успешными действиями в годы Семилетней войны. В 1763–1774 гг. возглавлял Военное ведомство. Генерал-губернатор Москвы (1782 г.).

что император стал гроссмейстером Мальтийского ордена, но и к далеко идущим планам личной встречи с папой Римским. Мы можем даже привести точную дату, когда в стенах Зимнего дворца 10-летний мальчик впервые услышал о Мальтийском ордене, – 28 февраля 1765 г. В этот день С. А. Порошин читал будущему императору «Вертозову Историю об Ордене Мальтийских кавалеров. Изволил он потом забавляться и, привязав к кавалерии своей флаг адмиральской, представлять себя кавалером Мальтийским». А через несколько дней Павел Петрович «по окончании учения забавлялся, привеся к кавалерии своей флаг адмиральской. Представлял себя послом Мальтийским и говорил перед маленьким князем Куракиным речь».

А. Рослин. Портрет графа З. Г. Чернышева. 1776 г.

Кроме чтения, в воспитательном процессе великого князя предусмотрели и трудовое воспитание. Это решение могла принять только Екатерина II, последовательно реализовывавшая в стенах Зимнего дворца воспитательные идеи просветителей. В результате в покоях наследника установили токарный станок, и он по примеру своего великого прадеда обучился работать на нем. Кстати говоря, эта традиция обучения работе на токарном станке с большим или меньшим успехом реализовывалась вплоть до начала XX в. С. А. Порошин записал в дневнике 2 ноября 1765 г.: «Его высочество, побегавши, изволил забавляться около токарного станка, потом играть на серинетах⁴⁶ и смотреть книгу, где разные изображены птицы»⁴⁷.

Поскольку мальчика окружал круг учителей, старавшихся развлекать юного наследника познавательными разговорами, то мнения его о жизни вне Зимнего дворца формировались во многом благодаря этим беседам. Когда в апреле 1765 г. 10-летнему Павлу сообщили о смерти М. В. Ломоносова, то явно с чужих слов последовал следующий пассаж: «Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал»⁴⁸. Эта фраза отражала подспудную борьбу, которая ве-

---

⁴⁶ Серинет – маленький органчик высокого строя, с рукояткой. Служит для приучения птиц к пению мелодий, в особенности чижигов (от *фр.* *serin*) и канареек.

⁴⁷ Семенов В. А. Читательские интересы императора Павла I. Электронная версия.

⁴⁸ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича.

лась между русскими и немецкими учителями за влияние на наследника. В результате этой борьбы добросовестного наставника великого князя С. А. Порошина «съели», удалив его из Зимнего дворца.

С. Тончи. Портрет императора Павла I в короне гросс-

Согласно педагогическим воззрениям Екатерины II, наследника держали в строгости. Стандартный режим для наследника в стенах Зимнего дворца включал подъем в шесть часов утра, туалет, завтрак и занятия до часу дня. Потом следовали обед, небольшой отдых и снова занятия. Это не был жесткий, раз и навсегда установленный режим. Серьезные коррективы в него вносили обязательные представительские обязанности и возрастные болезни.

По традиции покои матери и сына располагались в разных концах Зимнего дворца. Тем не менее цесаревич Павел Петрович постоянно бывал на половине матери, как правило, вечером. В комнатах императрицы он играл в карты, бильярд, шахматы, дурачился с молодыми фрейлинами. Его учитель записал в дневнике 10 апреля 1765 г.: «Государыня в фонарике, не очень была здорова. Пришед окно отворили. Не отходил от окна и поскакивал. Черни много зевало. Нищему рубль дал»⁴⁹. Так и видится в этих коротких строках, залитый огнями Зимний дворец, толпа черни, глазеющая на окна покоев императрицы и подпрыгивавший мальчишка-наследник, бросающий из окна рубль нищему.

Кроме визитов к матери, вечерние часы отводились для представительских обязанностей, что тоже было очень важной частью воспитательного процесса. Наследник не только

---

⁴⁹ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича.

присутствовал на придворных спектаклях, но сам несколько раз выступал на сцене придворного театра в юго-западном ризалите Зимнего дворца.

Как правило, в десять часов мальчик укладывался спать. Подобный режим для подраставших великих князей воспроизводился вплоть до Александра III. Можно констатировать, что наследник Павел Петрович рос в окружении взрослых и с детства очень серьезно относился ко всем своим обязанностям.

Несомненной душевной травмой для взрослеющего мальчика стала история гибели его отца – императора Петра III Федоровича, шепотом рассказанная «в подлинной версии» наследнику престола «доброжелателями». Мать и сын очень рано душевно отдалились друг от друга и их отношения приняли характер подспудного неприятия друг друга. Проще говоря, ни мать, ни сын не любили друг друга. И это мягко сказано. По словам В. О. Ключевского, «мать не любила сына. У нее всегда для него вид государыни, холодность, невнимательность – никогда матерью не являлась».

Поскольку мальчика воспитывали «на французский манер», а, кроме этого, окружавшие мальчика взрослые не стеснялись обсуждать в его присутствии собственные любовные приключения, то довольно рано у мальчика появились «нежные мысли». С. А. Порошин упоминает, что Павел Петрович влюбился во фрейлину Екатерины II Веру Николаевну Чоглокову в 10-летнем возрасте (1 сентября 1765 г.): «Госу-

дарь Цесаревич, стоя у окна, дыхнул на стекло и выписал имя той фрейлины, которая больше всех ему нравится. Как подошли кое-кто к окошку, то он тотчас стереть изволил». Следует упомянуть, что фрейлина была только на 2 года старше наследника. Через несколько недель уже 11-летний Павел на маскараде ухаживал за фрейлиной (как тогда выражались – «махал изрядно»): «Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была, и приступы Его Высочества не отбивала суровостью».

По свидетельству Порошина, «шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснел он и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: „Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв: наемдни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит“. Смеялись много о сей его высочества заботливости». В 1769 г. Вера Николаевна Чоглокова вышла замуж за графа Антона Миниха, внука фельдмаршала. Забегая вперед, заметим, что «рогами» наследник обзавелся сразу же после первой женитьбы и, действительно, их веса совершенно не почувствовал.

После 14 лет в образовательной программе великого князя появились взрослые науки: коммерция, казенные дела, политика внутренняя и внешняя, войны морские и сухопутные, «учреждение мануфактур и фабрик и прочих частей, составляющих правление государства».

В 1772 г. Павле Петрович стал совершеннолетним, ему исполнилось 18 лет. Тогда ходили подспудные разговоры, что Екатерина II должна передать власть своему совершеннолетнему сыну, но все те, кто хорошо знал императрицу, только улыбались, слыша эти разговоры. Поэтому 20 сентября 1772 г. прошло в Зимнем дворце как совершенно обычный день, и фактически положение великого князя осталось прежним. К делам его не призвали, а только начали искать ему невесту⁵⁰.

Свадьба наследника стала завершением почти двух лет забот императрицы Екатерины II. Жену своему сыну императрица подбирала тщательнейшим образом. В результате в Россию «на кастинг» приехали три кандидатки: принцессы дармштадские Амалия, Вильгельмина и Луиза. Павел Петрович выбрал принцессу Вильгельмину, которая после миропомазания 15 августа 1773 г. превратилась в великую княжну Наталию Алексеевну (1755–1776). Екатерина II писала: «...Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер... старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен...».

---

⁵⁰ Начало поиска немецкой невесты для Павла Петровича относят к 1768 г.

29 сентября 1773 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба 19-летнего цесаревича Павла Петровича с Наталией Алексеевной. После венчания вельможи собрались в Тронном зале Зимнего дворца, где находился сервированный стол. Далее последовал бал, открытый новобрачными. Платье невесты по традиции было буквально усыпано бриллиантами. Так в Зимнем дворце начался новый этап в жизни наследника Павла Петровича.

Отдельного двора для великокняжеской четы не образовали, поскольку молодая семья осталась жить в Зимнем дворце под плотным контролем императрицы. У Екатерины II, конечно, имелась вся необходимая информация о положении дел на половине молодой семьи, поскольку буквально после свадьбы сына она определила к его условному двору «своего» человека – генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова. 5 ноября 1773 г. она писала генералу: «Николай Иванович! Я вас избрала, чтобы быть при сыне моем, а на какой ноге и в какой должности, о сем завтра поутру в десятом часу, когда вы ко мне придете, я сама с вами изъяснюсь. Впрочем, остаюсь к вам доброжелательна. Екатерина»⁵¹.

---

⁵¹ Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 // Русский архив. 1864.

А. Рослин. Портрет великой княгини Натальи Алексеевны. 1776 г.

Поскольку все отчетливо понимали, что Салтыков будет «глазами» Екатерины II при молодом дворе, то положение генерала оказалось очень сложным. В инструкции, написанной Екатериной II, Салтыкову предписывалось: «1. Старайтесь понравиться моему сыну. 2. Оказываете ему возможную предупредительность, соединенную с большим уважением. 3. Старайтесь приобрести его доверие, но не спешите в сем и без всякой суеты, ибо сначала думать надлежит, что по молодости и по другим побочным причинам он несколько дичиться станет. Но вы на сие не смотрите, и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведение».

В этом же документе императрица оговорила, что Салтыков будет жить «при дворе». Генералу выделили огромную квартиру для его семьи, находившуюся прямо над покоями цесаревича Павла Петровича. Очень важным было то, что в инструкции императрица четко оговорила свободный доступ Салтыкова на свою половину: «Вам можно говорить со мною и советоваться сколько угодно: можете являться ко мне, когда вздумается... В случае нужды, когда вам нужно будет настаивать, опирайтесь на мою волю».

Одновременно с инструкцией, данной Салтыкову, императрица написала письмо и своему сыну: «Любезный сын! Я назначила к тебе генерала Салтыкова. Таким образом при тебе будет лицо значительное, и не для того только, чтобы придать важности твоим выходам, но и для того, чтобы держать в порядке людей, назначенных к твоему двору, чего требует

твое звание... Это человек исполненный честности и кротости, и везде, где он ни служил, им были довольны; поэтому, я не сомневаюсь, что вы поладите... С женитьбою кончилось твое воспитание, невозможно долее оставлять тебя на положении ребенка и в двадцать лет держать под опекою. Перед публикою ответственность теперь падет на тебя одного, и она жадно будет следить за твоими поступками. Эти люди все подсматривают, все подвергают критике, и не думай, чтобы оказана была пощада тебе, как и мне»⁵². Надо заметить, что это более чем трезвая оценка отношения высшего света как к самой императрице, так и к наследнику. Иллюзий по поводу «любви» ближайшего окружения Екатерина II лишилась очень давно...

---

⁵² Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову. 1763–1796 // Русский архив. 1864.

М. Ф. Квадаль. Портрет графа Н. И. Салтыкова. Германия

И. С. Саблуков. Портрет Екатерины II

Несмотря на вполне зрелый возраст Павла Петровича,

Екатерина II не торопилась подключать его к деловым заботам по управлению страной. В 1773 г. она предложила сыну назначить для того «час или два в неделю, по утрам, в которые ты будешь приходить ко мне один для выслушания бумаг. Таким образом, ты ознакомишься с ходом дел, с законами страны и моими правительственными началами. Согласен?». Тем не менее даже это скромное знакомство с непарадной стороной государственной деятельности принесло свои плоды.

С оригинала П. Батони. Портрет великого князя Павла Петровича. 1782–1787 гг.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Павла Петровича. 1780-е гг.

В 1774 г. наследник представил матери документ под названием «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оногo, и касательно обороны всех пределов».

Говоря о семейной жизни цесаревича, заметим, что Екатерина II обманулась в своих надеждах, поскольку невестка оказалась совсем не той кроткой девочкой, какой казалась до замужества. Во-первых, Наталья Алексеевна сумела сразу же поставить вспыльчивого Павла Петровича под свой жесткий контроль. Английский посланник Д. Харрис отмечал, что она «управляла мужем деспотически. Не давая себе даже труда выказать малейшей к нему привязанности». Во-вторых, невестка императрицы отчетливо и постоянно пыталась обозначить некую свою «оппозицию» к «большому двору». В результате между западным фасадом и юго-восточным ризалитом Зимнего дворца обозначилось нешуточное охлаждение отношений. И это происходило на фоне застарелых обид между сыном и матерью. О таланте к интригам красноречиво говорит то, что великой княгине Наталии Алексеевне, несмотря на десятки внимательных глаз, удавалось скрывать свою любовную связь с другом цесаревича – графом Андреем Разумовским.

Екатерина II давала невестке следующую, не без яда на-

писанную характеристику: «...Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле. Не слушаем ни хороших, ни худых советов. До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и все хотят делать по-своему. Спустя полтора года и более мы еще не говорим по-русски, хотим, чтобы нас учили, но не хотим быть прилежными. Долгов у нас вдвое больше, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает». Таковы были обстоятельства первого брака Павла I, который начался и завершился в стенах Зимнего дворца.

К весне 1776 г. отношения между старым и молодым двором обострились до крайности. Однако затянувшийся конфликт между свекровью и невесткой, сыном и матерью превратился в трагедию – 15 апреля 1776 г. в Зимнем дворце во время родов, после пяти дней мучений, умерла 20-летняя жена Павла Петровича – великая княгиня Наталья Алексеевна. Первым погиб ребенок. Во время этих трагических событий Екатерина II и Павел Петрович неотлучно находились в комнатах наследника, поблизости от рожавшей великой княгини. Но в день смерти великой княгини Екатерина II уехала в Царское Село, увезя с собой сына⁵³.

---

⁵³ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1278.

А. Рослин. Портрет князя Андрея Кирилловича Разумовского. 1776 г.

Курировали роды врачи Роджерсон и Крузе. Когда стало ясно, что великая княгиня родить не в состоянии, встал вопрос о кесаревом сечении или о плодоразрушающей операции с помощью акушерских щипцов. Решение должна была принять императрица. Пока принималось непростое решение, ребенок погиб, а вскоре у роженицы начался сепсис, приведший к ее смерти.

Для того чтобы пресечь слухи⁵⁴, начавшиеся распространяться по Петербургу, в Зимнем дворце провели вскрытие умершей великой княгини. Как выяснилось, великая княгиня не могла родить, поскольку имела дефекты в развитии тазовых костей⁵⁵. Тут возникают вопросы к врачам, следившим за развитием беременности, но об этом речь пойдет ниже...

Императрица писала своим европейским корреспондентам: «Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать и мы с нею. У меня сердце истерзалось; я не имела ни минуты отдыха в эти пять дней и не покидала великой княгини ни днем, ни ночью до самой кончины. Она говорила мне: „Вы отличная сиделка“. Вообразите мое положение: на-

---

⁵⁴ Слухи обвиняли Екатерину II чуть ли не в завуалированном убийстве невестки.

⁵⁵ В детстве принцесса упала, сильно ударив спину. Врачи лечили ее притираниями, рекомендовав впоследствии больше гулять и танцевать. Впрочем, в других источниках упоминается об операции по удалению «хвостика» – «лишнего» позвонка на копчике. Так или иначе, проблемы у принцессы в области тазовых костей действительно имелись. И эти проблемы придворные врачи просмотрели.

до одного утешать, другую ободрять. Я изнемогла и телом и душой...».

Для цесаревича одновременная утрата жены и ребенка оказались потрясением. Не менее тяжелым ударом для него стала обнаруженная в бумагах жены любовная переписка Натальи Алексеевны с его другом – графом Андреем Разумовским, чью подлинность подтвердил духовник императрицы. Поэтому Павел Петрович не присутствовал на похоронах супруги и через несколько дней после траурной церемонии принял решение о новой женитьбе.

Запасная кандидатура на роль невестки у Екатерины II уже имелась, да и Фридрих II, «подсунувший» к Императорскому двору «бракованную» принцессу, стремился помочь матримониальным планам Екатерины II. Это была 17-летняя вюртембергская принцесса София-Доротея, правда, помолвленная с одним из немецких принцев. Уже 18 апреля 1776 г. Екатерина писала: «Я сомневаюсь, чтобы он (принц Людвиг. – *И. З.*) женился на принцессе виртембергской, несмотря на то, что они уже помолвлены: он совсем не стоит ее».

Екатерина II была человеком дела и 13 июня 1776 г. Павел Петрович отправился в Берлин⁵⁶, для того чтобы повидаться с принцессой. Конечно, банальная история с предательством

---

⁵⁶ Цесаревича в этой поездке сопровождали фельдмаршал Румянцев, Н. И. Салтыков, камергер Нарышкин, камер-юнкер А. Куракин, секретарь Николаи и хирург Бек.

жены и лучшего друга и смерть ребенка тяжело отразилась на характере великого князя, усилив его негативные стороны.

Пока сын сватался, Екатерина II решала не менее серьезные вопросы. Например, она немедленно оплатила все долги, которые успела набрать за очень короткое время ее покойная невестка: «О заплате по шести счетам долгов по комнатам Его Императорского Высочества и покойной великой княгини 200 250 р. 36 к. и 400 червонных»⁵⁷ (1 мая 1776 г.). Затем она распорядилась привести половину сына в Зимнем дворце в соответствующий вид: «Об отпуске на позолоту столовой Его Высочества. 1746 р.» (16 августа 1776 г.).

События развивались молниеносно. К сентябрю очередная немецкая принцесса прибыла в Зимний дворец. 14 сентября 1776 г. в Большом соборе Зимнего дворца состоялось миропомазание принцессы, ее нарекли Марией Федоровной. 15 сентября 1776 г. там же состоялось обручение Марии Федоровны с Павлом Петровичем. 26 сентября 1776 г. в Зимнем дворце состоялась свадьба, и женой Павла Петровича стала София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, в православии Мария Федоровна. В результате цесаревич, овдовев в апреле 1776 г., уже через пять месяцев вновь женился.

Через год после заключения брака, 12 декабря 1777 г., ве-

---

⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3891. Л. 82. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1776 г.

лика княгиня родила в Зимнем дворце первенца – будущего Александра I. Тогда любящая бабушка немедленно озаботилась ванночкой для младенца, заказав ее «серебрянику Кепингу», уплатив за нее из «комнатной суммы»: «Употреблено на дело ванны 1 пуд 35 фунтов 62 золотника и 95 доль на 1721 р.».

Вскоре дворец наполнился детскими голосами, поскольку дети рождались буквально один за другим. Всего в семье Павла I родилось четыре мальчика: Александр (12 декабря 1777); Константин (27 апреля 1779); Николай (25 июня 1796); Михаил (28 января 1798) и шесть девочек: Александра (29 июля 1783); Елена (13 декабря 1784); Мария (4 февраля 1786); Екатерина (10 мая 1788); Ольга (11 июля 1792) и Анна (7 января 1795). Для детей отвели комнаты второго этажа юго-западного ризалита Зимнего дворца.

Следует подчеркнуть, что молодая супружеская чета так укрепила генетический фундамент правящей императорской фамилии, что вплоть до 1917 г. в ней не было даже намека на угрозу династического кризиса, вызванного отсутствием наследников мужского пола.

К началу второго брака характер наследника Павла Петровича вполне определился – мнительный и недоверчивый, торопливый и непредсказуемый, моментально вспыхивавший по пустяковому поводу, готовый «сдать» свои недавние искренние привязанности. И это в сочетании с живым и любознательным умом, благородством и рыцарственностью,

стремлением принести пользу стране. Эти противоречивые начала вполне уживались в одном человеке. Особенности характера цесаревича в первую очередь отражались на Марии Федоровне, отношения с которой, несмотря на обилие детей, не выглядели безоблачными, хотя с ее стороны к тому поводов не было. Например, в одном из писем, датированных сентябрем 1796 г., она писала мужу: «Обнимаю вас от всего сердца и прошу вас хотя немного думать о вашей Маше»⁵⁸.

---

⁵⁸ Мария Федоровна. Письма к великому князю Павлу Петровичу [5 и 8 сентября 1796 г.] // Русская старина 1874. Т. 9, № 3. С. 485.

*А. Рослин. Портрет великой княгини Марии Федоровны.
1777 г.*

Пока великий князь Павел Петрович не отъехал в Гатчину, он вел образ жизни, соответствующий его статусу наследника. Он виделся с матерью-императрицей ежедневно, утром и вечером, и допускался «в совет императрицы». В его комнатах в Зимнем дворце регулярно устраивались праздники, сопровождавшиеся танцами и трапезами. В воспоминаниях графини В. Н. Головиной упоминается, что в середине 1780-х гг. по понедельникам в Зимнем дворце на половине наследника устраивались балы и ужины⁵⁹. Она же писала, что по субботам «у наследника устраивался прелестный праздник, который начинался прямо со спектакля. Бал, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, подававшегося в той же зале, где играли спектакль. Большой стол ставился посреди залы, а маленькие столы в ложах. Великий князь и его супруга ужинали на ходу, принимая своих гостей в высшей степени любезно. После ужина бал возобновлялся и заканчивался очень поздно. Гости разъезжались при свете факелов, что производило очаровательный и своеобразный эффект на ледяной поверхности красавицы Невы»⁶⁰.

Что касается мнительности цесаревича, то одно из происшествий в Зимнем дворце он принял за попытку его отрав-

---

⁵⁹ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

⁶⁰ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

ления. Однажды ему подали за ужином сосиски – немецкое кушанье, которое он очень любил. Когда великий князь приступил к трапезе, он нашел в сосисках несколько осколков стекла. Надо признать, что это был действительно серьезный повод, для того чтобы вспылить. Цесаревич встал из-за стола, взял блюдо и отправился с ним на половину матери, в запальчивости заявляя, что его хотели отравить. Это очень характерный маршрут в поисках отравителя – на половину Екатерины II. Императрицу взволновало происшествие, и она немедленно увезла Павла Петровича с собой в Царское Село. Произошедшее вполне можно расценить как попытку покушения на жизнь цесаревича.

Разрыв между Павлом и Екатериной II вышел на новый уровень после того, как императрица фактически забрала у молодых родителей их первенцев – Александра и Константина. Цесаревича не подпускали к серьезным делам, у него отняли детей, его взгляды на государственное устройство и политику игнорировались, фавориты императрицы смотрели на него сверху вниз. В начале 1780-х гг. западный фасад и юго-восточный ризалит Зимнего дворца уже тихо ненавидели друг друга.

А. Белокин. Прогулка императрицы Екатерины II с великими князьями Александром и Константином в Царском Селе

Рождение детей еще больше осложнило отношения Екатерины II с сыном. В качестве примера приведем то, что всем (!!! – И. З.) детям молодой супружеской четы имена давала именно Екатерина II. По воспоминаниям сына духовника Екатерины II протоирея Ивана Ивановича Панфилова, служившего при императрице 24 года, она «отдавала духовнику записку, в коей собственной рукой обозначала имя младенца». На этих записках, по сей день хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, рукой императрицы написано: «Александр 12 декабря 1777 г. в Петербурге – крещен 20 декабря»; «Константин 27 апреля 1779 г. в Царском Селе – крещен 5 мая»; «Александра 29

июля 1783 г. в Царском Селе – крещена 6 августа»; «Елена 13 декабря 1784 г. в Петербурге – крещена 22 декабря»⁶¹; «Мария 4 февраля 1786 г. в Петербурге – крещена 12 февраля»⁶²; «Ольга»⁶³ 11 июля 1792 г. в Царском Селе – крещена 18 июля»⁶⁴. Как мы видим, при жизни Екатерины II в Зимнем дворце Мария Федоровна родила 3 детей.

Английский посланник Гаррис писал: «Охлаждение между императрицей и великим князем увеличивается со дня на день. Она обращается с ним с полнейшим равнодушием, можно сказать, с пренебрежением; он же не дает труда скрывать свое неудовольствие и, когда смеет, выражает его свободно и в самых резких словах... С великим князем и с великой княгиней Потемкин и его партия обращаются как с лицами, не имеющими никакого значения. Цесаревич чувствует это пренебрежение и имеет слабость высказывать это в разговорах, хотя не властен сделать ничего более. Вследствие природной застенчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается с годами, он не может оправдать опасений, внушаемых императрице Потемкиным». Об отношениях с матерью свидетельствует неосторожный ответ Павла

---

⁶¹ На записке приписка: «Имя праздновать с Константином».

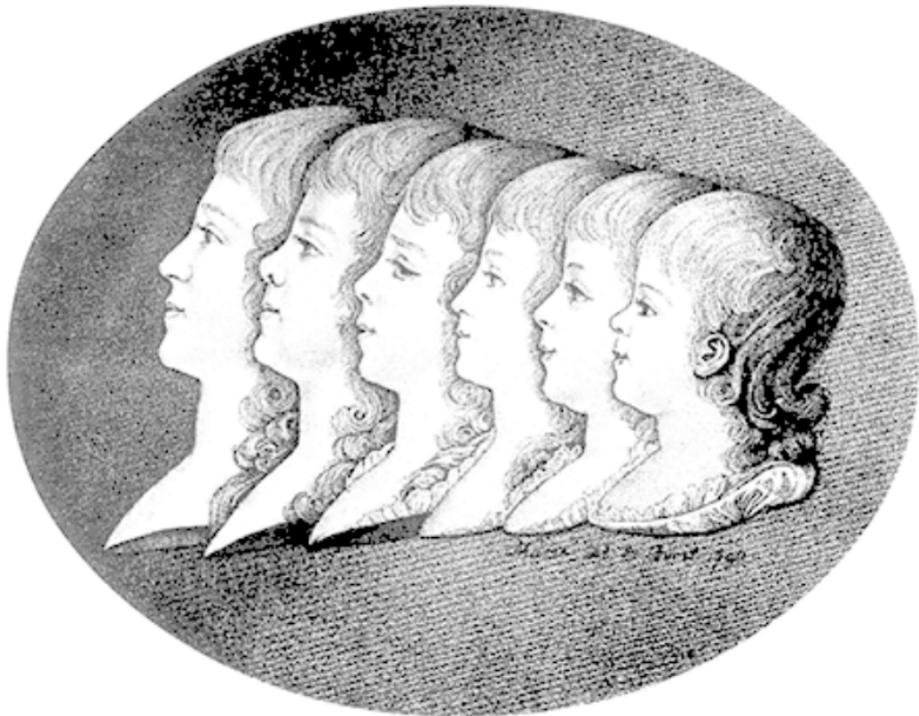
⁶² На записке приписка: «Праздновать память 22 февраля».

⁶³ Великая княжна Ольга Павловна умерла в 1795 г. Похоронена в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 650. Д. 447. Записки с именами, которые она желала дать своим внукам при крещении: Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Ольга. 1777–1795 гг.

Петровича на вопрос французского короля, который поинтересовался – правда ли, что в его свите нет никого, на кого он мог бы положиться. Наследник с горечью ответил: «Ах, я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился самый маленький пудель, ко мне привязанный: мать моя велела бы бросить его в воду прежде, чем мы оставили бы Париж».

20 ноября 1782 г. великокняжеская чета возвратилась из путешествия по Европе в Зимний дворец. К этому времени мать и сын окончательно определились в своем отношении друг к другу. Именно тогда у Екатерины II вызревает решение передать трон своему любимому внуку – великому князю Александру Павловичу. Однако этот семейный нарыв был купирован, когда 6 августа 1783 г. Екатерина II подарила Павлу Петровичу мызу Гатчину, куда он и переехал на жительство из Зимнего дворца.

Великие князья Александр, Константин и великие княжны Александра, Елена, Мария и Екатерина. С камеи, выполненной великой княгиней Марией Федоровной. 1790 г.

Медальон с портретом графа и графини Северных. 2-я пол. XVIII в. Россия

С той поры Павел Петрович сравнительно редко посещал свою половину в Зимнем дворце. Как правило, в главную императорскую резиденцию он приезжал к 24 ноября, дню тезоименитства Екатерины, и уезжал в начале февраля. Но, даже живя в Зимнем дворце, наследник старался не принимать

участия не только в официальных праздниках, но и уклонялся от встреч с императрицей. Екатерина II писала Салтыкову: «Великий князь прислал сказать, что у него лихорадка и что он в постели лежит. Я бы желала знать, что о сем докторы говорят. Буде знаете, прошу мне сказать». Думается, что императрицу беспокоило не только здоровье сына... Об отношениях в императорской семье красноречиво говорит и то, что в обширной иконографии Екатерины II, Павла I и Марии Федоровны нет ни одного совместного портрета...

Случались годы, когда наследник вообще не жил в Зимнем дворце, а бывал в нем только наездами, но не реже раза в неделю. Как вспоминал один из очевидцев, «он приезжал с почтеньем раз в неделю, в назначенные дни. Приезд его вселил почтение и страх, когда, впрочем, страх не имел никогда места при императрице; но для Павла Петровича все в струнку. Мы хотя и птенцы еще были, и нам политика не была известна, однако же ожидаемое прибытие заставляло нас держать, как ныне говорят, руки по швам. Должность пажей состояла еще двери отворять; следовательно, мы были первые видимы, и вы можете судить, как мы оправлялись, оглядывались, боялись и цепенели»⁶⁵.

Старшие сыновья Павла Петровича продолжали жить в Зимнем дворце в комнатах, расположенных по западному фасаду. Следовательно, с родителями они виделись не чаще

---

⁶⁵ Башилов А. А. Молодость Башилова (Записки о временах Екатерины II и Павла I) // Заря. 1871. С. 196.

одного раза в неделю. Только с весны 1795 г. великие князья Александр и Константин стали ездить к родителям в Гатчину и Павловск четыре раза еженедельно, занимаясь там маневрами, ученьями и парадными.

Судьбоносным для 42-летнего цесаревича стал день 5 ноября 1796 г., когда курьер принес в Гатчину первое известие о смертельной болезни Екатерины II. Потом это сообщение подтвердила целая череда посланных. Примечательно, что одного из них послал великий князь Александр Павлович. Его депеша, написанная по-французски, сохранилась: «Она очень плоха. Если будет что-то еще, я немедленно сообщу Вам»⁶⁶. Очень характерно, что любимую бабушку в записке, адресованной отцу, Александр Павлович называет обезличенно – «Она».

Поскольку ситуация могла повернуться по-разному, сам Павел Петрович набросал императрице записку, полную показного лицемерия: «Гатчина, 5 ноября 1796 г. Моя дражайшая матушка! Я осмеливаюсь засвидетельствовать Вам свое почтение, равно как и таковое же моей супруги, и назваться Вашего императорского величества послушнейшим сыном и покорнейшим слугой. Павел». Затем, в пятом часу пополудни, сопровождаемый Марией Федоровной и некоторыми из своих верных гатчинцев, цесаревич выехал в Зимний дворец. Фактически «послушнейший и покорнейший» сын ехал

---

⁶⁶ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1307.

брать власть.

В Зимний дворец великокняжеская чета прибыла в 8 часов 30 минут вечера. В главной императорской резиденции, буквально забитой собравшимися придворными и высшими правительственными лицами, Павла Петровича встречали уже как государя, а не наследника. Пример для всех подали великие князья Александр и Константин Павловичи, явившиеся к отцу в гатчинских мундирах, в которых они не показывались при Дворе императрицы. Екатерина II еще была жива, но без сознания.

*А. Орловский. Великий князь Константин Павлович.
1802 г.*

Прибыв в Зимний дворец, Павел Петрович прежде всего отправился к умирающей матери. В миг встречи все обиды забылись: Павел плакал, целовал руки матери и искренне горевал. Думается, что тогда его чувства были подлинными. В то же время наверняка он уже почувствовал себя императором, проведя ночь на половине умирающей императрицы, в комнате, смежной с ее спальней. Туда, гремя ботфортами, подходили мимо умиравшей императрицы гатчинские офицеры, бравшие Зимний дворец и всю столицу под свой контроль.

Совершенно новые для Зимнего дворца фигуры гатчинских офицеров-строевиков в незнакомых мундирах вызвали тихую панику не только среди окружения императрицы, но и у холеных гвардейских офицеров, давно забывших не только что такое штыковые атаки под картечью врага, но и простую службу, согласно уставам.

К утру 6 ноября 1796 г. все встало на свои места. Планы Екатерины II по передаче власти внуку оказались «похоронены». Павел I распорядился передать ему императорскую печать и разобрать в присутствии великих князей Александра и Константина документы, находившиеся в кабинете императрицы. Более того, Павел I сам взял последнюю рабочую тетрадь Екатерины II, уложил ее на скатерть, куда начали складывать и все бумаги, извлекаемые из шкафов и ящиков.

Когда все было собрано, скатерть увязали лентами и получившийся узел опечатали.

Только вечером 6 ноября, в 21 час 45 минут, Екатерина II Великая «почила в Бозе». Около полуночи в Большой церкви Зимнего дворца состоялась церемония принятия всеми сановниками и придворными чинами присяги на верность императору Павлу I и его наследнику, великому князю Александру Павловичу.

В очень короткие сроки не только Зимний дворец, но и вся столица изменили свой облик. На современников изменения произвели оглушающее впечатление. По словам Г. Р. Державина, «повсюду загревели шпоры, ботфорты, те саки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом». Другой очевидец вспоминал: «Все чрез сутки приняло совсем новый вид. Перемена мундиров в полках гвардии, вахт-парады, новые правила в военном учении; одним словом, кто бы за неделю до того уехал, по возвращении ничего бы не узнал, что со мною и случилось по моем приезде из Москвы. Дворец как будто обратился весь в казармы: внутренние бекеты⁶⁷, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо поутру. Стук их сапогов, шпор и тростей, все сие представляло совсем новую картину, к которой мы

---

⁶⁷ То есть пикеты. Пикет-заства – полевой караул в европейских и русской армиях до XIX в. включительно, а также небольшая группа людей, охраняющих что-либо.

не привыкли»⁶⁸.

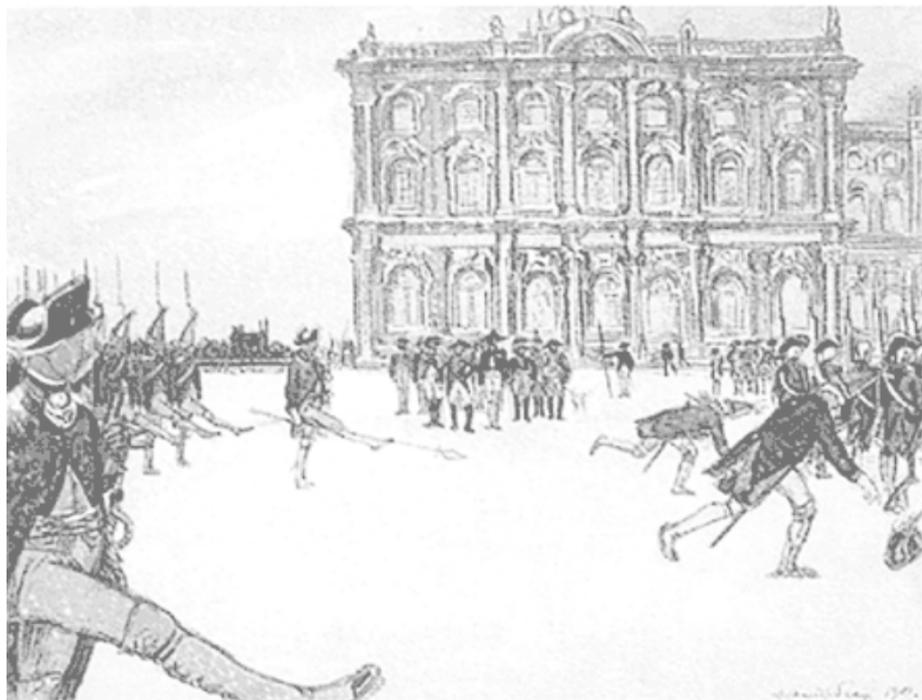
Комендантом Зимнего дворца Павел I назначил надежнейшего А. А. Аракчеева, произведенного в генерал-майоры и занявшего в императорской резиденции покои фаворита Екатерины II Платона Зубова, которого буквально выкинули из резиденции⁶⁹.

Первый вахт-парад на Дворцовой площади состоялся уже 7 ноября 1796 г. 10 ноября 1796 г. к Зимнему дворцу подошли гатчинские войска. Император сразу расставил акценты. Гвардейские полки по приказанию Павла I выстроились на Дворцовой площади. Встречая гатчинцев, император поблагодарил их за службу и распределил побатальонно по всем гвардейским полкам. Офицеры-гатчинцы переводились в гвардию чин в чин. Таким образом, гвардия оказалась под полным контролем императора, чем исключалась вероятность дворцового переворота.

---

⁶⁸ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1306.

⁶⁹ Кроме этого, Павел I пожаловал А. А. Аракчеева петербургским комендантом (7 ноября 1796 г.), майором лейб-гвардии Преображенского полка (9 ноября 1796 г.), кавалером ордена Св. Анны I ст. (13 ноября 1796 г.).

Вахт-парад у Зимнего дворца при Павле I

Гренадерки 1797-1807 годов

Фузелерная шапка гренадерского полка 1796-1801 годов

Гренадерка Лейб гвардии Измайловского полка 1800-1801 годов

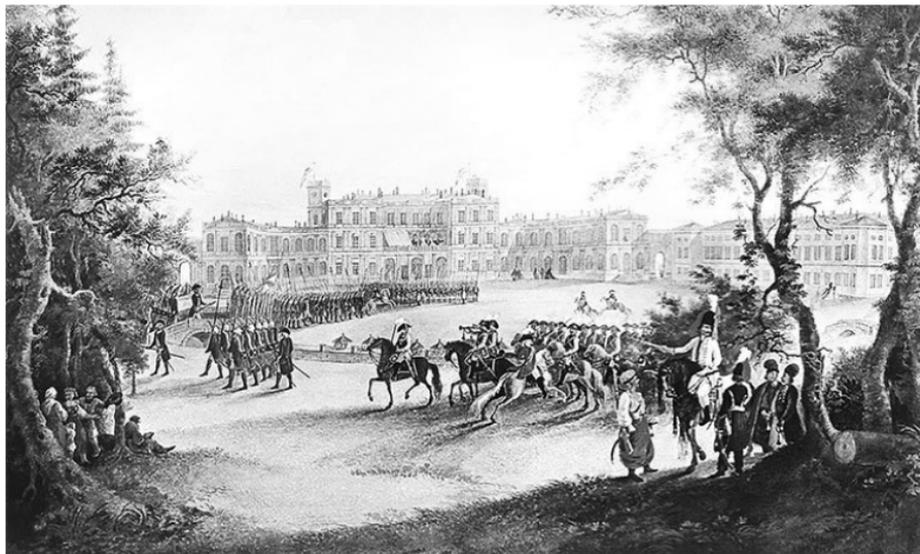

Гренадерка Лейб гвардии Павловского полка

Гренадерки времен Павла I и Александра I

Император немедленно покончил с теми беспорядками, которые царили в гвардии в последние годы екатерининского правления. Он решительно дал понять, что главной обя-

занностью офицера является служба, а не посещение театров и балов. Очевидец вспоминал: «При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрут». Император лично на Большом дворе Зимнего дворца обучал солдат заступать в караул, а на Дворцовой площади регулярно устраивал вахтпарады. Упомянем и о том, что Павел I восстановил порядок обязательной службы дворян и телесные для них наказания. Это буквально повергло дворян в шок.

Г. С. Сергеев. На плацу перед Гатчинским дворцом. 1798 г.

Изменился и ритм жизни в самом Зимнем дворце, немед-

ленно подстроившийся под привычки Павла I. Поскольку император поднимался в 5 часов утра, то первые доклады сановников он начинал принимать уже в 6 часов. Соответственно с этим, и свет в окнах в Зимнем дворце, как и во всем Петербурге, гасили в 10 часов вечера, поскольку все стали очень рано отходить ко сну.

Новые порядки в Зимнем дворце немедленно положили начало так называемым павловским анекдотам. Князь Ф. Н. Голицын в воспоминаниях приводит один из таких анекдотов: «При начале царствования его постановлены были во дворце в передних комнатах внутренние бекеты и переименовано слово, вместо, как прежде, командовали „к ружью“, велено кричать „вон“! В одно утро г. прокурор граф Самойлов, проходя с делами к Государю мимо бекета, и караульный офицер, желая отдать ему честь, закричал вон, граф, не поняв, что это значит, вздумал, что всех из комнаты выгоняют, повернется уехал домой»⁷⁰.

Еще одна «павловская» история связана с тем, что император, стоя у окна Зимнего дворца, увидел прохожего и обронил: «Вот, идет мимо царского дворца и шапки не ломает». Из этой походя оброненной фразы моментально сочинили высочайшее повеление. С этого времени всем горожанам, проходящим или проезжающим мимо Зимнего дворца, было велено снимать шапки при любой погоде.

Став императором, Павел I немедленно возвратил из

---

⁷⁰ Голицын Ф. Н. Записки. Стб. 1311.

небытия своего убитого отца – Петра III Федоровича. Он приказал в один день захоронить Петра III и Екатерину II в Петропавловском соборе, перевезя прах отца из склепа Благовещенского собора Александро-Невской лавры. Тогда же он приказал достать из дворцовых запасников сохранившиеся портреты Петра III. Один из них – парадный портрет Петра III – повесили в кабинете Павла I.

Император Павел Петрович стремился установить четкий военный порядок и в придворной жизни. Графиня В. Н. Головина вспоминала, что «Император строго придерживался этикета: в глубокий траур не допускал ни балов, ни спектаклей – никаких удовольствий, кроме малых собраний, официальных приемов, тихих игр и ужинов»⁷¹. Об этом же писал К. Массон: «Внутри дворца был введен столь же строгий и страшный этикет. Горе тому, кто при целовании руки не стучался коленом об пол с такой силой, как солдат ударяет ружейным прикладом. Губами при этом полагалось чмокать так, чтобы звук, как и коленопреклонение, подтверждал поцелуй. За слишком небрежный поклон и целование камергер кн. Георгий Голицын был немедленно послан под арест самим Его Величеством»⁷².

Самая известная история, связывающая имя Павла I с Зимним дворцом, повествует о некоем ящике, куда подданные могли опускать прошения на имя императора. Сведе-

---

⁷¹ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

⁷² Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

ния о местоположении этого ящика разнятся. По одной версии, роль ящика играла целая «секретная комната» в подвале Зимнего дворца, ключи от которой находились только у самого императора. Прощения попадали в комнату по специальному желобу, выведенному на Дворцовую площадь. В комнате имелся стол со всеми необходимыми письменными принадлежностями, за которым император работал, разбирая накопившуюся за неделю корреспонденцию. По второй версии, специальный желтый ящик поставили у больших ворот Зимнего дворца. Третья версия утверждает, что ящик находился «на лестнице дворца»⁷³. Так или иначе, этот ящик действительно имелся.

Разнятся также версии о мотивах установки ящика для прошений. Одни мемуаристы утверждают, что мотивом для этого решения было стремление императора получить объективную информацию о злоупотреблениях в стране и в столице. По версии других – это стремление Павла I обезопасить свою персону. Дело в том, что, по древней традиции, ходатаи всеми правдами и неправдами старались передать свои прошения лично в руки императора. С этим боролись как могли, поскольку среди подателей могли оказаться и потенциальные убийцы. Но получалось это не всегда удачно, что вредило имиджу монарха. К. Массон упоминает, что Павел I «объявил, что сам будет их читать и, после необходимых справок, класть свою резолюцию. Вследствие этого он

---

⁷³ Массон К. Мемуары о России // Голос минувшего. 1916. № 8. С. 343.

запретил впредь беспокоить его подачею просьб на вахт-параде и велел арестовывать смельчаков, приближавшихся к нему с бумагою в руках»⁷⁴.

Ничего путного из этой затеи не вышло. Поначалу Павел I добросовестно, раз в неделю, несколько часов работал в подвале, читая прошения, и либо отвечал подданным через газету, либо лично разбирал их дела. Впрочем, прямой канал «связи» с народом вскоре разочаровал императора, поскольку в потоке прошений все чаще стали встречаться ложные доносы, пасквилы и даже карикатуры на самого царя.

Например, «одна из знатной фамилии госпожа положила в тот ящик просьбу, которой содержание состояло в том, что так как она происходит из знатной фамилии, почему и не желает по смерти быть погребенною на общем кладбище и просит, чтобы государь повелел своим указом отвести особое место для погребения, в случае смерти, тела ее и всех ее родственников. Снисходительный и милосердый император написал на то в ответ: „Что так, как люди по смерти, не взирая на породу и чины, бывают все равны, и более когда она умрет, то тогда не будет уже знать, кто она такова и какого звания человек будет положен рядом с нею; почему прошение и возвращается ей с наддранием обратно“»⁷⁵.

---

⁷⁴ *Массон К.* Указ. соч.

⁷⁵ Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском, собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым. М.: Университетская типография, 1807. Электронная версия.

В. Л. Боровиковский. Портрет императора Павла I

Памятник Павлу I во дворе Михайловского замка

Б. Патерсен. Михайловский замок с набережной Фонтанки. 1801 г.

Император Павел I, переехав из Гатчины в Петербург, не собирался жить в Зимнем дворце. Указ о строительстве новой резиденции был издан в первый же месяц царствования Павла I – 28 ноября 1796 г. 26 февраля 1797 г. началось торжественное шествие из Зимнего дворца к месту закладки будущего Михайловского замка. 8 ноября 1800 г., в день святого Архангела Михаила, замок торжественно освятили, а 1 февраля 1801 г. император Павел I с семьей торжественно выехал из Зимнего дворца в новую резиденцию. На всем пути его следования стояли гвардейские полки. Торжественная процессия сопровождалась пальбой пушек и музыкой пол-

ковых оркестров. В Зимнем дворце в качестве императора Павел I прожил с ноября 1796 по февраль 1801 г. В Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. императора Павла I убили заговорщики.

Что же касается окружения императора, то немедленно после гибели Павла I «все население дворца кинулось еще до рассвета переезжать в Зимний дворец, откуда еще не успели убрать мебели»⁷⁶.

Память о пребывании Павла I в стенах Зимнего дворца сохранялась в виде вещей, находившихся в его комнатах. По уже сложившейся традиции, «внутренние комнаты в Бозе почивающего императора Павла Петровича» на некоторое время приобрели мемориальный характер. Об этом свидетельствует опись мебели и «прочих вещей», составленная в апреле 1820 г. В документе перечисляются следующие «внутренние комнаты» покойного императора: Библиотека⁷⁷, Кабинет⁷⁸, Будуар⁷⁹, Почивальня⁸⁰, Уборная⁸¹, Сереб-

---

⁷⁶ Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева // Голос минувшего. 1918. № 7–9.

⁷⁷ Стулья, столы, шкафы, мраморные статуэтки.

⁷⁸ Образ, обои зеленые бархатные, разная мебель.

⁷⁹ Подушки пуховые, валики у диванов.

⁸⁰ Икона, занавес суконный, кресла, часы столовые, купидоны мраморные на белой тумбе, вазы мраморные в бронзовой оправе, скамеечка подножная стальная, пол, обит ковром, судно ночное, обитое малиновым штофом и золотым галуном, ящик для дров красного дерева.

⁸¹ Стул простого дерева, стол ломберный.

ряный кабинет, Кавалерская⁸², Фонарик⁸³, Палевой покой, Ковровая («что перед Бриллиантовой»), Передние⁸⁴.

Позже, в начале 1826 г., большую часть этих вещей передали на хранение в дворцовые кладовые. В ноябре 1828 г. император Николай I, просмотрев представленные ему описи вещей покойного отца, выбрал некоторые из них⁸⁵ и распорядился «доставить сии вещи в Зимний Дворец на половину Его Величества в Аванзал»⁸⁶. Судя по всему, Николай Павлович хорошо помнил все, что стояло в этих мемориальных комнатах, поскольку поинтересовался у должностных лиц, где находятся 11 мраморных бюстов. На что ему ответили, что все бюсты «находятся на своих местах на шкапах в библиотеке императора Павла Петровича, что ныне библиотека прусско-королевских комнат».

---

⁸² Обои бархатные оранжевые.

⁸³ Ящик для дров красного дерева, люстра серебряная небольшая.

⁸⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 438. Л. 2–7. О разных вещах и статуях бывших в комнатах покойного императора Павла I. 1828–1829 гг.

⁸⁵ Три шкафа красного дерева с мраморными белыми досками за печатью; Дубовый ларец с оковкою с печатью; Дубовый ларец с медною оковкою под печатью; Бронзовые накладки в виде собак; Две накладки с бронзовыми орлами на мраморных досках; Ящик маленький красного дерева с компасом из Кабинета; Две шляпы образцовых.

⁸⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 438. Л. 10. О разных вещах и статуях бывших в комнатах покойного императора Павла I. 1828–1829 гг.

Александр I

Александр I родился 12 декабря 1777 г., в понедельник, в 9 ч. 45 мин. утра, в спальне великой княгини Марии Федоровны в Зимнем дворце. Он стал первым императором, родившимся и прожившим в Зимнем дворце всю свою жизнь. Именно из Зимнего дворца император выехал 1 сентября 1825 г., для того чтобы отправиться в свое последнее путешествие и умереть в Таганроге 19 ноября 1825 г.

По традиции, по случаю рождения великого князя окна Зимнего дворца содрогнулись от пушечных залпов. Молодым родителям императрица подарила 362 десятины земли с двумя небольшими деревнями близ Царского Села. Со временем на этом месте вырос город Павловск. С 1778 г. там началось строительство первых парковых павильонов и обустройство самого парка.

Когда в семье Павла Петровича родился первенец, то повторился сценарий 1754 г., по которому младенца немедленно забрала на свою половину царствующая императрица. В 1754 г. это был будущий Павел I, которого взяла Елизавета Петровна, а в 1777 г. – будущий Александр I, которого забрала Екатерина II. После рождения второго ребенка – Константина Павловича – история повторилась. Впрочем, после крещения младенца его детскую устроили на половине матери – цесаревны Марии Федоровны.

20 декабря 1777 г. будущего Александра I окрестили в Большом соборе Зимнего дворца, и его заочными восприемниками стали австрийский император Иосиф II и король Пруссии Фридрих II Великий. Начало 1778 г. ознаменовалось в Зимнем дворце чередой непрерывных праздников. Императрица искренне радовалась рождению внука, уже тогда она, также по сценарию Елизаветы Петровны, прочила его в свои преемники. В феврале 1778 г. Екатерина II писала барону М. Гримму: «До поста осталось каких-нибудь две недели, между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию».

С. Торелли. Портрет великого князя Александра Павло-

виза. 1778 г.

Екатерина II с внуками Александром и Константином, внучками Александрой и Еленой на прогулке в Царском Селе

Воспитывали мальчиков в Зимнем дворце по уже сложившимся стандартам. Сначала они попадали в женские руки. До 1783 г. за их воспитание отвечала «генеральша», вдова коменданта г. Ревеля Софья Ивановна Бенкендорф (урожд. Левенштерн)⁸⁷. Няней-англичанкой к младенцу назначили Прасковью Ивановну Гесслер, опекавшую будущего императора до семи лет.

⁸⁷ Родная бабушка А. Х. Бенкендорфа.

Стратегию воспитания внуков, буквально с первых дней их жизни, определяла сама императрица. Собственными педагогическими новациями в духе передовых идей века Просвещения она охотно делилась со своими европейскими корреспондентами. Приводимая ниже обширная цитата рисует первые дни жизни будущего императора в Зимнем дворце: «Как только господин Александр родился, я взяла его на руки, и после того как его вымыли, унесли в другую комнату, где и положили на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, как посылаемая при сем кукла. Когда это было сделано, то господина Александра положили в ту корзину, где кукла, чтобы женщина, при нем находившаяся, не имела никакого искушения его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на канаве. Убранный таким образом господин Александр был передан генеральше Бенкендорф; в кормилицы ему была назначена жена молодца садовника из Царского Села, и после крещения своего он был перенесен на половину его матери, в назначенную для него комнату». Очень характерны эти «руководящие указания» Екатерины II, и в грош не ставившей желания родителей младенца.

Еще раз отметим, что детская Александра Павловича в Зимнем дворце находилась на половине его матери. Екатерина II описывала ее следующим образом: «Это – обширная комната, посреди которой расположен на четырех столбах и прикреплен к потолку балдахин, и занавесы, под которыми

поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы за спинкой балдахина. Комната обширна, для того чтобы воздух в ней был лучше; балдахин посреди комнаты, против окон, для того чтобы воздух мог обращаться свободнее вокруг балдахина и занавесок. Балюстрада препятствует приближаться к постели ребенка многим особам за раз; скопление народа в комнате избегается и не зажигается более двух свечей, чтобы воздух вокруг него не был слишком душным; маленькая кровать господина Александра, так как он не знает ни люльки, ни укачивания, – железная без полога; он спит на кожаном матрасе, покрытом простыней, у него есть подушечка и легкое английское одеяло; всякие оглушительные заигрывания с ним избегаются, но в комнате всегда говорят громко, даже во время его сна. Тщательно следят, чтобы термометр в его комнате не подымался никогда свыше 14 или 15 градусов тепла. Каждый день, когда выметают в его комнате, ребенка выносят в другую комнату, а в спальне его открывают окна для возобновления воздуха; когда комната согрелась, господина Александра снова приносят в его комнату. С самого рождения его приучили к ежедневному обмыванию в ванне, если он здоров... Как скоро только весной воздух сделался сносным, то сняли чепчик с головы господина Александра и вынесли его на воздух; мало-помалу приучили его сидеть на траве и на песке безразлично, и даже спать тут несколько часов в хорошую погоду, в тени, защищенный от солн-

ца. Тогда кладут его на подушку, и он отлично отдыхает таким образом. Он не знает и не терпит на ножках чулок, и на него не надевают ничего такого, что могло бы малейше стеснять его в какой-нибудь части тела. Когда ему минуло четыре месяца, то, чтобы его поменьше носили на руках, я дала ему ковер... который расстилается в его комнате... здесь-то он барахтается, так что весело смотреть. Любимое платье его, это – очень коротенькая рубашечка и маленький вязаный очень широкий жилетик; когда его выносят гулять, то сверх этого надевают на него легкое полотняное или тафтяное платье. Он не знает простуды».

Когда умерла СИ. Бенкендорф, воспитателем к мальчикам в сентябре 1783 г. назначили все того же Н. И. Салтыкова. Воспитателю предписывалось руководствоваться так называемой Бабушкиной азбукой, написанной Екатериной II. Отметим, что это произведение императрицы переиздается до сегодняшнего дня. То была действительно азбука, но вместе с тем и книга для чтения, формировавшая характер, основанный на человеколюбии, идеях века Просвещения, уважении к достоинству каждого человека.

Бабушкина азбука, изучавшаяся мальчиками в Зимнем дворце, состояла из восьми разделов: 1. Азбука с гражданским начальным устройением; 2. Китайские мысли; 3. Сказка о царевице Хлоре; 4. Разговор и рассказы; 5. Записки; 6. Выбранные российские пословицы; 7. Продолжение начального учения; 8. Сказка о царевице Фивее.

Если обратиться к пословицам, выбранным императрицей, можно привести некоторые из них: «Беда – глупости сосед»; «Горду быть, глупым слыть»; «Кто открывает тайну, тот нарушает верность» и т. д. Императрица настоятельно рекомендовала нянькам воспитывать великих князей на основании ее педагогических воззрений. Позже она неоднократно вмешивалась в педагогический процесс, настаивая на реализации своего педагогического плана. Так, оторвавшись от внуков на время поездки в Крым, она писала Салтыкову (5 января 1787 г.): «Вы о сем именем моим, подтвердите господам Протасову и Сакену, и вообще всем, при внуках моих находящимся, прикажите им снова прочесть, для памяти, мной подписанной наказ, и скажите всем, что я ожидаю от всех неперменного и усердного выполнения мною предписанного...»⁸⁸.

В своих письмах императрица постоянно обращается к внукам, радуется их успехам и печалится над их неудачами. Так она продолжала контролировать процесс обучения мальчиков (15 марта 1787 г. Киев): «Присланную роспись учения великих князей, сочиненную господином Лагарпом, я показать велела Фицгерберту⁸⁹, и он, так, как и я, нахо-

---

⁸⁸ Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову.

⁸⁹ Фицгерберт Аллейн (Fitzherbert, барон Св. Елены, 1753–1839) – английский дипломат. В 1782 г. послан в Париж для заключения мира с Францией, Испанией и Северо-Американскими Соединенными Штатами. В 1783 г. назначен чрезвычайным посланником при дворе Екатерины II, которую сопровождал в Крым в 1787 г. В 1793 г. заключил союз между Великобританией и Испанией; в 1801 г.

дит, что лучше выдумать нельзя, и об успехах не сомневаюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствие».

Напомним, что Фредерик Сезар Лагарп, республиканец по убеждениям и бернский адвокат по профессии, был рекомендован Екатерине II бароном Ф. М. Гриммом в качестве учителя для ее внуков Александра и Константина, коим он оставался с 1784 по 1795 г. В 1783 г. Лагарп прибыл в Петербург, где ему предложили поначалу занять место учителя французского языка. Но постепенно он стал заниматься со своими воспитанниками всеобщей историей, географией и математикой, а позднее – философией и законоведением. В своих воспоминаниях Лагарп упоминает, что Екатерина II пожелала, чтобы ее внуки «были воспитаны, как люди».

послан в Россию приветствовать Александра I со вступлением на престол; заключил договор между Англией и Россией и конвенции с Данией и Швецией.

Фредерик Сезар Лагари

Фридрих Мельхиор фон Гримм

Назначение сомнительного швейцарца-адвоката наставником цесаревича петербургский бомонд воспринял с подозрением. Эти настроения выразил баснописец Крылов в басне «Воспитание льва», в которой льва воспитывает орел:

*Пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кому зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей
Знать свойства своего народа
И выгоды земли своей.*

С настороженностью воспринял появление Лагарпа и отец будущего Александра I – великий князь Павел Петрович. И тем не менее накануне отъезда из России Лагарпу удалось объясниться с Павлом Петровичем. В мае 1795 г., во время двухчасовой беседы в кабинете Павла, Лагарпу удалось, по его словам, «излить свое сердце», что великого князя глубоко тронуло. Примирение было достигнуто, и, когда Мария Федоровна пригласила Лагарпа на тур полонеза, Павел даже подарил ему свои перчатки, а Лагарп сохранил их как память о России.

Бабушка искренне любила внуков. При этом она оставалась императрицей и пыталась быть к ним строга. Однажды расшалившегося Александра, в наказание, Екатерина II оставила одного в своих комнатах, а сама пошла на заседание Совета. Однако на делах она так и не смогла сосредоточиться, поскольку, по ее словам, «этот мальчик не выходит у ме-

ня из головы, и я не могу заниматься делом, наказавши его».

Бабушка любила первых внуков всей своей нерастраченной материнской любовью. Поскольку императрица шла в ногу со временем просвещенного XVIII в., то она соответствующим образом стремилась развивать своих внуков. В числе прочих забав она в октябре 1782 г. распорядилась сделать для внуков Александра и Константина «балкон с перильцами и лесенкой, которая могла бы подвигаться во все стороны, ибо она будет в употреблении во время бала или куртага, на которой стоять будут вместо стульев»⁹⁰. Видимо, под «балконом» имелась в виду маленькая передвижная сцена, на которой тщеславная бабушка собиралась демонстрировать «во время бала или куртага» своих совершенно необыкновенных внуков. В марте 1782 г. по повелению императрицы на половине внуков устроили качели.

Позаботилась царственная бабушка и о зимних забавах для своих маленьких внуков. По ее именному устному указу в марте 1783 г. выстроили две деревянные, «покрытые льдом катальные горы для Александра и Константина Павловичей». Горы эти поставили «на садике, что против Эрмитажа»⁹¹.

---

⁹⁰ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 225 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

⁹¹ РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 187. Л. 225 // Выписки из дел разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского Дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 2.

Именно Екатерина II заложила фундамент традиции «трудового воспитания» подрастающих великих князей, когда в апреле 1784 г. для великих князей Александра и Константина сделали и установили в Зимнем дворце небольшие столярные верстаки и один токарный станок.

Мы упоминали о том, что довольно рано мальчиков начали приводить на собрания бабушки в Малом Эрмитаже. В 1789 г. великие князья впервые обедали в Александров день за кавалерским столом. Александру шел тогда 12-й, а Константину 10-й год от роду⁹². Кстати, императрица принимала участие в «проектировании» костюмов для своих внуков.

Когда мальчики подросли, им начали преподавать «взрослые предметы». Например, в 1791 г. академик Паллас читал им «натуральную историю» в одном из залов Малого Эрмитажа. Впрочем, образовательный процесс Александра Павловича закончился с его ранним браком в сентябре 1793 г., когда юному мужу шел только 17-й год. Однако даже после увольнения со службы Лагарп, не имея возможности уехать из Петербурга до весны 1794 г., получил разрешение «продолжать уроки с великим князем и даже с княгиней, его супругой».

---

⁹² Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича / Сообщ. М. П. Погодин // Русский архив. 1866. Вып. 1. Стб. 94-111.

*Детский костюм великого князя Александра Павловича.
1784 г.*

*Костюм парадный великого князя Александра Павловича.
1780-е гг.*

Жену для любимого внука императрица Екатерина II выбрала сама. Ею стала одна из баденских принцесс – Луиза Мария Августа. О том, как зависит от случая судьба человека, свидетельствует то, что императрица поначалу желала видеть в роли жены внука старшую из трех баденских принцесс, но во время первого представления императрице в Зимнем дворце старшая принцесса, приближаясь к трону, споткнулась и упала во весь рост. Подобным «конфузам» при Императорском дворе всегда придавалось большое значение. Произошедшее сочли плохой приметой, и невестой Александра императрица Екатерина II «назначила» Луизу Марию Августу, в православии – великую княгиню Елизавету Алексеевну⁹³.

Одной из близких подруг великой княгини Елизаветы Алексеевны стала графиня В. Н. Головина, которая оставила в мемуарах многочисленные упоминания о жизни молодой четы в Зимнем дворце. Она пишет, как осенью 1794 г. в угловом кабинете Елизаветы Алексеевны «лучшие музыканты, и во главе их Диц, исполняли симфонии Гайдна и Моцарта. Великий князь играл на скрипке, а мы слушали эту прекрасную музыку из соседней комнаты, где почти всегда бывали

---

⁹³ *Массон К.* Мемуары о России // *Голос минувшего.* 1916. № 8. С. 170.

вдвоем с великой княгиней»⁹⁴. Кстати, «соседней комнатой» была спальня молодой четы. Упомянем, что музицировали и сами молодые женщины: Елизавета Алексеевна играла на арфе, а графиня Головина – на фортепиано.

---

⁹⁴ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

Принцесса Луиза Мария Августа. Скульптура в Бадене

Великий князь Александр Павлович и великая княгиня

Со своей подругой графиней В. Н. Головиной великая княгиня расставалась буквально перед сном: «Великий князь удалялся с моим мужем в кабинет для совершения своего ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой, я расчесывала ей волосы, заплетала в косу. Первая камер-фрау Геслер ее раздевала. Она переходила в спальню, чтобы лечь в постель, и звала меня туда, чтобы попрощаться. Я становилась на колени на ступени кровати, целовала ее руку и удалялась».

К концу жизни Екатерины II количество грандиозных развлекательных мероприятий в Зимнем дворце постепенно сокращалось. Например, в течение зимы 1794/95 г. лишь «часто бывали маленькие балы и спектакли в Эрмитаже, а также иной раз и в Тронной зале»⁹⁵.

После воцарения Павла I великий князь Александр Павлович проживал в Зимнем дворце уже как наследник. Образ его жизни совершенно изменился: «Не было установленного распорядка дня, время проходило в настороженном ожидании. Еще до рассвета Александр Павлович был в приемной императора, а часто случалось, что до этого он уже проводил не меньше часа в казармах своего полка. Развод и учение занимали все утро. Александр даже обедал наедине с женой, лишь изредка с одним или двумя посторонними лица-

---

⁹⁵ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

ми. После обеда следовали вновь или посещения казарм, или осмотр караулов, или исполнение приказаний государя. В семь часов вечера нужно было снова отправляться в приемную его величества и ждать там, хотя император иногда появлялся лишь к девяти часам, к самому ужину. После ужина Александр отправлялся к императору с рапортом, а Елисавета, в ожидании его возвращения, присутствовала при ночном туалете императрицы, которая удерживала ее у себя, пока великий князь, освободившись, не приходил к матери пожелать ей спокойной ночи и отвести жену к себе»⁹⁶.

Своя жизнь текла на половине молодых великих князей Александра и Константина. Так, на глазах мемуаристки начался роман великой княгини Елизаветы Алексеевны и князя Адама Чарторыйского, одного из друзей Александра Павловича. В. Н. Головина вспоминала, что князь «не мог смотреть на нее, не испытывая чувства, которое начала нравственности, благодарность и уважение должны были бы погасить в самом зародыше». Этот роман закончился рождением в Зимнем дворце великой княжны Марии Александровны (29.05.1799-08.07.1800).

Вокруг рождения ребенка немедленно закрутилась классическая придворная интрига с целью очернить великую княгиню в глазах императора Павла I. В результате А. Чарторыйского выслали из России. Но Елизавета Алексеевна забывала о наветах, занимаясь своей маленькой «Мышкой».

---

⁹⁶ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

Великая княгиня писала матери: «Моя малышка Мари, наконец, имеет зуб, одни утверждают, что глазной, другие – что это один из первых резцов. Все, что знаю я, – это то, что дети начинают обычно не с передних зубов. Однако она почти не болела, сейчас, кажется, появляется второй. Это такая славная девочка: даже если ей нездоровится, об этом нельзя догадаться по ее настроению. Только бы она сохранила этот характер!». Елизавета Алексеевна уже видела свою девочку большой и в письмах задавала своей матери непростые вопросы (21 января 1800 г.): «Вы у меня спрашиваете, дорогая Мама, обнаруживает ли моя крошка в отношении меня какую-либо предпочтительность. Что до предпочтительности – нет, но надо видеть ее радость ко всем, кого она видит постоянно. Мне очень хочется задать вам один сложный вопрос, моя любимая Мама, и задать его вполне серьезно: как вы так устроили, что заставили своих детей любить вас и считать за счастье быть рядом с вами. Могу поклясться, что, сколько я себя помню, у меня не было большего удовольствия, чем сидеть возле вас. И то же было со всеми нами – вы не могли ничем нас больше обрадовать, чем выйти на прогулку, обедать с нами, играть в прятки. Дорогая Мама, скажите мне, как вам удалось этого добиться? Я так бы хотела, чтобы моя маленькая Мария любила меня так же».

Л.-Э. Виже Лебрен. Портрет великой княгини Елизаветы Алексеевны. 1798 г.

Портрет князя Адама Чарторьйского. 1808 г.

Несмотря на все заботы матери, нянек и придворных вра-

чей, маленькая девочка умерла в Зимнем дворце 27 июня 1800 г., прожив чуть более года. Убитая горем молодая мать писала своей матери: «О, Мама, как ужасна непоправимая потеря: я первый раз переношу нечто подобное. Вы легко можете понять, какая пустота, какая смерть распространилась в моем существовании. Вы теряли ребенка, но у вас оставались другие дети, а у меня их нет, и я даже теряю надежду иметь детей в будущем. Но даже если б у меня и был другой ребенок, то ее, моей обожаемой Mauschen более не существует». Маленькую «Mauschen» похоронили в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры.

На короткое время Александр Павлович переселился в Михайловский замок. Сразу же после убийства отца – императора Павла I – 11 марта 1801 г. Александр I немедленно уехал в Зимний дворец. Вслед за ним, «между шестью и семью часами утра, императрица Елисавета в сопровождении своей камер-фрау Геслер оставила это место ужаса и отправилась в Зимний дворец. Прибыв в свои покои, ее величество увидела императора Александра, лежавшего на диване, бледного, расстроенного, подавленного горестью».

Это было трудное для императора Александра I утро. Ему, фактически давшему карт-бланш на убийство отца, предстояло объяснение с матерью. Он не чувствовал в себе сил взвалить на себя обязанности императора Российской империи. Внешне тонкая и трепетная Елизавета Алексеевна всячески пыталась пробудить в супруге твердость и му-

ЖЕСТВО.

Надгробие великой княжны Марии Александровны

К 10 часам утра в Зимний дворец прибыла из Михайловского замка императрица Мария Федоровна и немедленно прошла на половину сына. Как пишет мемуаристка, «свидание с ней Александра было раздирающим душу. По-видимому, государь гораздо более отчаивался, чем его мать. Невозможно было смотреть на него без содрогания»⁹⁷.

Вместе с тем не следует преувеличивать горя императрицы Марии Федоровны. Слишком недолгое время провела она как императрица. Слишком сложными были отношения с убитым супругом в последние годы их семейной жизни. Тем не менее еще в Михайловском замке она рвалась в покой убитого мужа с криком: «Я хочу царствовать!». Когда этого не случилось, по окончании шестинедельного траура Мария Федоровна возобновила придворную жизнь во всем ее многообразии.

Весной 1801 г. в Петербург приехала наследная принцесса Баденская, мать императрицы Елизаветы Алексеевны, со своими двумя дочерьми: Амалией и Марией. Амалия поселилась на третьем этаже северо-западного ризалита, и ее комнаты в Зимнем дворце еще долгое время именовали покоем «принцессы Амалии».

О реалиях жизни в Зимнем дворце начала правления Александра I повествуют записи в камер-фурьерском журнале за 1 января 1806 г. Так, еще 28 декабря 1805 г. пе-

---

⁹⁷ Головина В. Н. Мемуары графини Головиной...

тербургскому бомонду разослали повестки, извещавшие о «большом съезде в Зимнем дворце», намеченном на понедельник 1 января 1806 г. Дамам предписывалось явиться в Большую церковь Зимнего дворца на литургию «в русском платье». После чего все присутствующие на службе придворные «приносили поздравление Его Императорскому Величеству и всей императорской фамилии... со днем праздника Нового года». Затем император выехал прокатиться по городу на санях. После прогулки по Петербургу «в половине 4 часа пополудни» в Зимнем дворце император Александр I «соизволили кушать обеденное кушанье в Желтой комнате на 50-ти кувертах».

Портрет принцессы Амалии Баденской

Вечером 1 января 1806 г. в парадных залах Зимнего дворца прошел традиционный маскарад. В камер-фурьерском журнале записано: «А сего числа ввечеру, по соизволе-

нию Его Императорского Величества, для всего дворянства, знатного российского и иностранного купечества, назначен быть... публичный маскарад... в 6 часов начали собираться по билетам, но не имея никто масок... Около 8 часов вечера в оркестрах открыта бальная музыка»⁹⁸.

В маскараде приняли участие все Романовы. Александр I танцевал менуэт, вдовствующая императрица Мария Федоровна играла в карты в Георгиевском зале. Около 24 часов аристократический бомонд во главе с императором проследовал в Эрмитаж, где «за приуготовленными разными круглыми и овальными продолговатыми столами, кушать вечернее кушанье до 200 кувертов и за поставленным между потир и оркестра круглым столом присутствовать изволили на 11 кувертах»: Александр I, императрица Елизавета Алексеевна, императрица Мария Федоровна, великая княгиня Екатерина Павловна. Также за императорским столом находились статс-дамы – графиня Ливен, графиня де Литта, фон Рене, принцесса де Тарант, княгиня Прозоровская, камер-фрейлина Протасова. Любопытно, что «Его Величество, присутствовав во время ужина в театре, за стол садиться не соблаговолил», то есть император продолжал работать, обходя гостей. После ужина хозяева Зимнего дворца и гости вновь проследовали на маскарад, где Александр I и Елизавета Алексеевна пробыли «до начала 2 часа пополуночи. В

---

⁹⁸ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1806 г. СПб., 1905 г.

четверть третьего прекращена музыка и последовал разъезд с маскарада. Было дворянства обоего пола – 10 273, купечества – 2689. Всего 12 962 чел. С маскарада вышла последняя маска – английский купец Партер»⁹⁹.

---

⁹⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1806 г. СПб., 1905 г. С. 461.

Алексей Григорьевич Бобринский в маскарадном костюме (сын Екатерины II и Григория Орлова). Конец 1770-х гг.

На Пасху 1 апреля 1806 г. большой выход в Большой со-

бор Зимнего дворца начался в 10 мин пополудни. После Всенощного бдения Александр I по традиции христосовался «со знатными особами». Затем Романовы проследовали на разговление в столовую. В 8 часов утра состоялся малый выход в Малую церковь Зимнего дворца. Императорская чета удалилась на свою половину в 10-м часу утра. В этот же день императрице Марии Федоровне, после Пасхи, был «подан в Кабинет фрыштык, приуроченный из горячего кушанья, который Ея Величество изволила кушать... токмо Своею Особою».

Периодически покои императора Александра I в Зимнем дворце ремонтировались. Преобладали косметические ремонты или «поправки», как их тогда называли. Например, летом 1821 г. состоялись такие поправки «в Собственных комнатах Их Императорских Величеств». Ремонт свелся к тому, что в гостиной «вновь» переделали две печи. Перед Малой церковью сняли паркет, вычистили его и вновь сделали печь перед церковью¹⁰⁰.

Александр I, имея прочную репутацию дамского любимца, всегда тщательно заботился о своей внешности. Мемуарных свидетельств тому множество. Но о том, какой размах принимала эта забота, свидетельствуют архивные документы. На протяжении многих лет фельдъегеря везли из Парижа для императора любимые им духи. Объемы были просто

---

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 42. Л. 2–3. О поправках в Собственных комнатах Их Императорских Величеств. 1821 г.

колоссальны. Например, в начале 1823 г. кн. П. М. Волконский писал в Париж, чтобы посол во Франции прислал «с первым курьером из Парижа, хотя бы 12 бутылок духов Eau de Portugal, а с первою навигациею прислал бы несколько дюжин сих же духов».

И действительно, с началом навигации в Петербург для императора доставили 48 бутылок этих духов. Общий вес «посылки» составил почти 20 кг, поскольку каждый из флаконов весил «по фунту», то есть 400 г. Кстати говоря, за все товары, поступавшие в Зимний дворец, аккуратно платились все таможенные сборы. За посылку уплатили 172 руб. 80 коп. таможенных пошлин¹⁰¹. К осени эти запасы были исчерпаны, и в ноябре в Зимний дворец доставили новый груз, состоявший из трех ящичков. В первом находились 72 бутылки любимых духов «Eau de Portugal», во втором – 72 бутылки духов «Eau de Mul d'Angleterre» и в третьем – 72 бутылки духов «Eau de Juare».

---

¹⁰¹ РГИА. Ф. 519. Оп. 6. Д. 348а. Л. 11. О духах, выписываемых из Парижа для Государя Императора. 1823 г.

Современный флакон одеколона «Bau de Portugal»

Таким образом, только за 1823 г. императору Александру I прислали из Парижа 264 бутылки духов весом по «фунту» каждая, обошедшиеся в 4334 руб. Следовательно, общий

вес посылки составил более 100 кг при средней стоимости одной бутылки духов в 16 руб. 41 коп.

Попутно упомянем и о том, что младший брат Александра I, император Николай Павлович, предпочитал духи «Parfum de la Cour», склянка которых всегда стояла на его туалетном столе¹⁰².

Кроме духов, императору дюжинами везли из Парижа перчатки и другие детали туалета.

1 сентября 1825 г. Александр I выехал из Зимнего дворца, заехал в Александро-Невскую лавру, где помолился перед мощами св. князя Александра Невского и навсегда покинул Петербург, для того чтобы умереть в Таганроге 25 ноября 1825 г.

---

¹⁰² *Фредерикс М. П.* Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 1. С. 75.

Николай I

Николай Павлович родился летом 1796 г. в Царском Селе, но фактически всю жизнь провел в Зимнем дворце, где и умер зимой 1855 г. Естественно, Николай Павлович периодически жил и в других императорских резиденциях, включая Михайловский замок, откуда его, четырехлетнего ребенка, вернули в Зимний дворец наутро после убийства отца, 12 марта 1801 г.

Время от времени Николая и его младшего брата Михаила забирали в Гатчину, которую так любили их родители, но главным своим домом младшие сыновья Павла I считали Зимний дворец. Именно в этом дворце в немалой степени сформировалась личность будущего императора и его представление о своем месте в иерархии власти.

После женитьбы, с 1817 и по конец 1825 г., Николай Павлович с семьей жил в Аничковом дворце, бывая в Зимнем дворце на обязательных дворцовых церемониях и по делам службы.

Начало семейной жизни для будущего императора совпало с началом его военной службы. Сам Николай Павлович писал спустя многие годы: «Осенью 1818 года Государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады I гвардейской дивизии, то есть Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил

я в управление Инженерною частию»¹⁰³.

О порядке военной службы у Николая Павловича имелись собственные четкие представления, но они совершенно не стыковались с теми порядками, которые сложились в гвардейских частях при Екатерине II и продолжали бытовать при Александре I. Многие из офицеров гвардейских полков, прошедшие через огонь сражений войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., считали, что как дворяне и офицеры они «могут себе позволить» нести службу далеко не так, как того требовали уставы. Николай Павлович вспоминал: «В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день».

Попытки молодого великого князя «подтянуть» службу в соответствии с уставными требованиями вызывали только раздражение среди офицеров императорской гвардии. Поэтому великого князя в гвардии не любили. Отметим, что у

---

¹⁰³ Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 10–35.

Николая I, третьего сына Павла I, не было иллюзий по поводу своей будущности. Он собирался честно служить стране на высших офицерских должностях и ни о каком троне даже не думал, хотя к этому времени и Александр I, и великий князь Константин уже достигли договоренности о передаче трона младшему брату.

Отношения Николая Павловича с Александром I носили сугубо официальный характер, и великий князь подолгу сидел в приемной Зимнего дворца, перед кабинетом старшего брата, ожидая выхода императора. После часов ожидания он говорил со старшим братом исключительно о служебных делах. В записной книжке будущий император конспективно описал подробности своего пребывания на втором этаже западного фасада Зимнего дворца: «Поехал в одноконных санях к Ангелу¹⁰⁴, ждал выход, говорил о делах и о назначении в дивизию, долго ждал, Ангел одобрил все, Михаил и я просили у него шевроны, обещал их к Пасхе»¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Так Николай Павлович именовал своего старшего брата-императора.

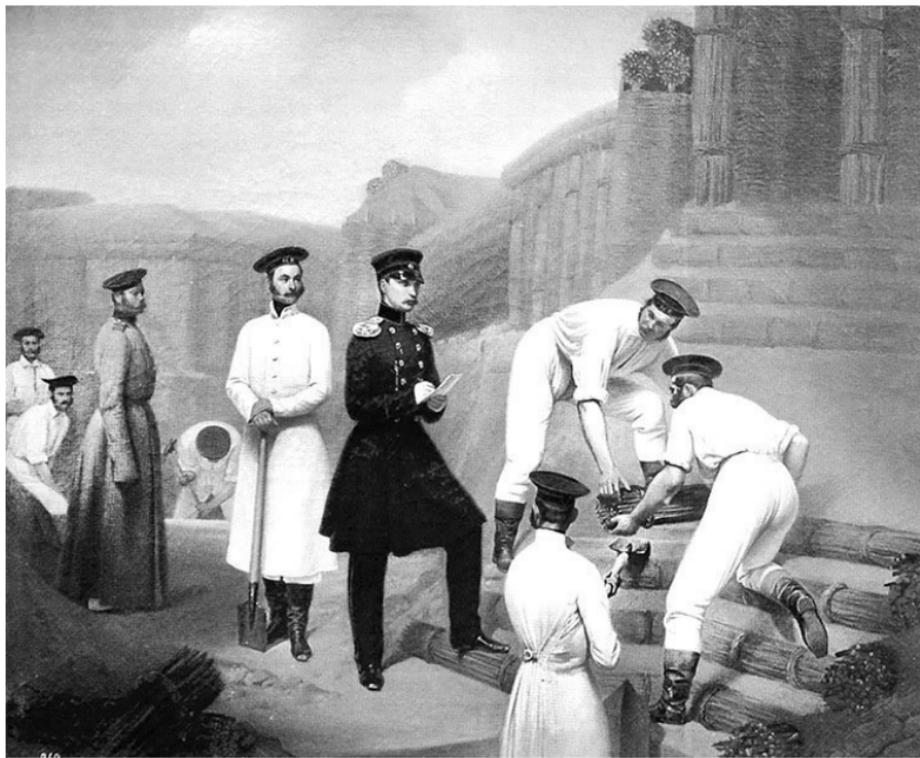
¹⁰⁵ Сидорова М. «Я пишу не для света...». Записные книжки и воспоминания Николая I // Родина. 2013. № 3. С. 19.

*Л. Фаврен. Портрет великого князя Николая Павловича.
1815 г.*

*Л. Фаврен. Портрет великого князя Михаила Павловича.
1815 г.*

А. М. Гебенс. Группа чинов 1-й саперной роты лейб-гвардии Саперного батальона. 1851 г.

Впоследствии, вспоминая молодость, Николай I оценит свое пребывание в передних брата следующим образом: «... все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приез-

жие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к Государю. В сем шумном собрании проводили мы час, иногда и более, доколь не призывался к Государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частию время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство.

Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял, многих узнал – и в редком обманулся. Время сие было потерей времени, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался»¹⁰⁶.

Однако летом 1819 г. перед великим князем Николаем Павловичем открылись совершенно иные перспективы. Дело в том, что император Александр I сообщил младшему брату о своих намерениях передать ему престол. Как вспоминала императрица Александра Федоровна: «Тогда же (в бытность мою в Красном летом 1819 г.) Император Александр, отобедав однажды у нас, сел между нами обоими и, беседуя дружески, переменил вдруг тон и, сделавшись весьма се-

---

¹⁰⁶ Записки Николая I.

рьезным, стал в следующих приблизительно выражениях говорить нам, что он „остался доволен поутру командованием над войсками Николая и вдвойне радуется, что Николай хорошо исполняет свои обязанности, ибо на него со временем ляжет большое бремя, так как Император смотрит на него как на своего наследника, и это произойдет гораздо скорее, нежели можно ожидать, так как Николай заступит его место еще при его жизни“»¹⁰⁷. Вскоре император Александр I оформил соответствующие документы, регламентирующие новый порядок наследования, но их не огласили. Согласно воле императора, три пакета с текстом завещания хранились в Успенском соборе Московского Кремля, в Петербурге в Сенате и Синоде и должны были быть немедленно вскрыты после кончины Александра I.

Это событие мало что изменило в жизни Николая Павловича и Александры Федоровны. Они продолжали жить в Аничковом дворце, время от времени нанося служебные и личные визиты в Зимний дворец. Все изменилось после смерти Александра I в ноябре 1825 г. в Таганроге, когда возникла ситуация междуцарствия.

После трагических событий 14 декабря 1825 г. Николай I с семьей переехал в Зимний дворец. Вплоть до смерти императора в феврале 1855 г. он оставался его главным домом. С Зимним дворцом у императора связаны тяжелые воспо-

---

¹⁰⁷ Воспоминания императрицы Александры Федоровны. 1817–1820. Электронная версия.

минания о трагических событиях 14 декабря 1825 г., в этом доме рождались и росли его дети, в нем же они выходили замуж и женились. В этот дом приходили радостные и трагические известия. Другими словами, все было, как и в любом большом доме, в котором жила большая дружная семья. Мы остановимся только на некоторых эпизодах из жизни Зимнего дворца в период тридцатилетнего царствования Николая Павловича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.